

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ГЕНЕРАЛ-МАРШ

Око силы

Андрей Валентинов

Генерал-марш

«Автор»

2011

Валентинов А.

Генерал-марш / А. Валентинов — «Автор», 2011 — (Око силы)

Генерал-марш – сигнал к походу. Река Времен изменила свое русло. Тихий 1923 год заканчивается бурно. Части Стратегического резерва атакуют Горки – резиденцию смертельно больного Вождя. Через охваченный войной Китай движется посольство, чтобы доставить в загадочный Пачанг послание Совнаркома. Маленькая неприметная Техгруппа постепенно берет под контроль Центральный Комитет большевистской партии. И только люди по-прежнему остаются «колесиками и винтиками», чьи жизни – разменная монета сильных мира сего. Не все согласны молчать и соглашаться. Полковничья дочка Ольга Зотова, рискуя собой, пытается узнать об участии сгинувшего без следа коллеги. История России вновь на перепутье – для того чтобы не допустить к власти Сталина, понадобился другой Сталин... Новая книга Андрея Валентинова, входящая в знаменитый цикл «Око Силы», продолжение романа «Царь-Космос», ведет рассказ о тайной, скрытой от нас истории XX века. Судьбы разных, непохожих людей – Сталина и Куйбышева, Мехлиса и барона Унгерна, Марии Ульяновой и Маруси Климовой – сплелись тугим узлом.

© Валентинов А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	7
3	10
4	15
5	23
Глава 2	25
1	25
2	29
3	34
4	39
5	41
Глава 3	44
1	44
2	50
3	52
4	58
5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Валентинов

Генерал-марш

Глава 1

Ночь

1

Серебристый венок у подножия, две мертвые почерневшие розы, осыпавшаяся серебрянка вокруг небольшого фото на эмали. «Киселева Доминика Васильевна. 1884–1910».

Некрополис. Царство мертвых...

Дождь шел всю ночь, но к утру распогодилось, тучи потянулись к горизонту, унося влажную прохладу. В полдень жаркое августовское солнце палило в полную силу, загоня прохожих в нестойкую тень. Булыжник на мостовых высох, привычная белая пыль вновь затянула небо, превратив синюю бездну в плоскую безжизненную твердь. Горячее лето года от Рождества Христова 1923-го, от начала же Великой Смуты – Шестого, не знало пощады.

Здесь, среди мраморных ангелов и старых облупившихся оград, жара почти не ощущалась. На главной аллее и у старой церкви солнце лютовало вовсю, но в зеленых глубинах огромного кладбища его лучи были бессильны. Густая зелень крон распростерлась тяжелым шатром, храня покой мертвых и живых. Последних было мало – будний день, ни праздника, ни юбилея. Лишь очень немногие посмели нарушить чуткий сон Некрополиса.

Молодой человек поглядел на старую фотографию, беззвучно дернул губами и, наклонившись, убрал мертвые черные цветы. Бросать не стал. Подержал в руке, потом, заметно прихрамывая, отошел в сторону, где возле одной из давно брошенных могил догнивала серая куча прошлогодней листвы. Сухие розы легли у подножия. Молодой человек отряхнул ладони, повернулся, без особой нужды поглядел сквозь зеленые кроны старых деревьев, затем шагнул обратно, к черному кресту.

– Покой, Господи, душа усопшей рабы Твоей. И елика в житии сем яко человецы согрешиша... Ты же, яко Человеколюбец Бог, прости и помилуй...

Слова звучали еле слышно, почти не двигались губы. Гость Некрополиса достал из старого портфеля аккуратно завернутые в желтую оберточную бумагу цветы, две большие чайные розы, положил на место прежних, на миг прикрыл веки.

– Вечная мука избави, Небесному царствию причастники учини...

Помолчал немного, затем резко выдохнул:

– ...И душам нашим полезная сотвори. Аминь!

Креститься не стал, мотнул головой, словно с кем-то споря, потом скользнул взглядом по близкому входу в склеп, отступил на шаг, пригляделся...

Затейливые славянские буквы над входом, грустный ангел с отбитым крылом в круглой нише слева, на покрытом потемневшей медью куполе – покосившийся крест. И белый лист бумаги на двери, закрывающий замочную скважину. Две синих, размокших от ночного дождя, печати, еще три сургучные по краям.

Молодой человек вновь дернул губами, но промолчал. Неспешно поднялся по ступеням, всмотрелся в расплывшиеся фиолетовые пятна печатей, протянул руку, однако прикоснуться не стал. Оглянулся назад, прислушался...

– Никак к нам гости, Доминика Васильевна?

Портфель был уже в руке, но уходить молодой человек не спешил. Вернулся к подножию креста, протянул руку ладонью вверх... Большая бабочка неслышно опустилась на пальцы. Ярко-желтые крылья с черной траурной каймой. Пятнышки синие, пятнышки красные...

– Ну, стало быть, прощайте!

Со стороны главной аллеи уже слышались голоса. Тишину разорвала резкая трель свистка. Гость неодобрительно покачал головой и шагнул в узкий проход между двумя соседними могилами.

2

Идешь себе по ночной улице, не спешишь, воздух теплый вдыхаешь, портфельчиком желтой кожи помахиваешь ходьбе в такт. Папироска в зубах, кобура при поясе, и еще одна, секретная, под мышкой. Револьверы пристреляны, смазаны, проверены, патронами заправлены. В портфеле – свежая сайка да кулек с конфетами. Кончена дневная служба, пора и отдохнуть.

А сзади Смерть легкими каблучками:

– Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук!..

Остановишься, прислушаешься – тихо. Ты ждешь, и она ждет. Шагнешь вперед, и тут же сзади легким эхом:

– Тук-тук! Тук-тук!..

...Здесь я, мой хороший, не волнуйся. Не уйду, не отстану! Ты иди, и я – за тобою вслед. Не потеряюсь, даже не надейся!

– Тук-тук!

Леонид негромко чертыхнулся, бросил недокуренную папиросину, замер.

– Тук...

Тихо...

Рука нырнула под пиджак, где в самодельной кобуре темной кожи ждал своего часа старый приятель-«бульдог». Первое – пот со лба вытереть, второе – оружие достать и еще раз проверить...

Платок скользнул по влажному лицу, раз, другой... Теперь – револьвер. Патроны пересчитать, курок взвести... Нет, сначала поставить на землю портфель, чтобы не мешал. Бумаг секретных в нем нет и быть не может, потеряется – невелика беда. Итак, портфель прислонить к стене, оружие проверить – и навстречу! Не по своему следу, а вдоль все той же стены, неслышно, дыхание затаив. Стрелять сразу, без дурацких «Стой! Руки вверх!». Не в патруле он и не в карауле, чтобы уставы блюсти. Жизнь дороже!

Леонид поставил портфель, достал из кармана красно-черную пачку «Марса», покрутил в руке зажигалку. Вот так и сходят с ума, товарищ Москвин, легко и быстро, без зеленых чертей и белой горячки. Просто летняя ночь, просто чьи-то шаги за спиной...

– Тук-тук! Тук-тук!

Чьи именно, Леонид уже вычислил, причем без всякого труда. Девушка, его помладше, туфельки недавно куплены, потому как ступает не слишком уверенно. Жакетка наверняка контрабандная, польская, на голове – шляпка-«колокольчик», стрижка под Мэри Пикфорд, косметика румынская или опять же польская.

Зажигалка щелкнула, загорелась неровным огоньком. Товарищ Москвин вдохнул запах бензина, прикурил, вслушался.

Тихо? Тихо! Молчат каблучки.

А еще эта девушка из совслужащих или из нэпмановской челяди, причем калибра самого мелкого. Имела бы приличное жалованье – извозчика бы взяла, чтобы не пробираться ночными переулками Пресни. И не проститутка, таким здесь делать ну совершенно нечего. Что остановилась, тоже понятно: идет одна, без кавалера и, само собой, без оружия, а впереди – подозрительный гражданин при портфеле и пиджаке. А зачем в такую жару пиджак надевать? Уж не затем ли, чтобы оружие спрятать? Вот и ждет, чтобы с этим гражданином в пустом переулке не встретиться.

Правильно, товарищ бывший старший уполномоченный?

Леонид заставил себя улыбнуться, взял портфель, оглянулся, поймал зрачками ночную тьму. Ближайший фонарь за два квартала, да и тот включают не каждый день.

Вздохнул, повернулся, пошел.

– Тук-тук-тук! – радостно откликнулись каблучки, но Леонид лишь дернул щекой. Идешь? Иди, не заказано. Ты идешь – и я иду. Нечего бояться, правильно Жора Лафар говорит: настоящий страх не снаружи – внутри. Если в собственных мыслях непорядок, начнешь не только каблучков – писка воробьиного бояться. Правильно, товарищ руководитель Техгруппы ЦК?

Леонид на миг остановился, прислушался (тук-тук-тук!), покачал головой. Горазды мы себя успокаивать. Да, убедительно – для канцелярской крысы с желтым портфелем. А вот для бывшего оперативника...

От места службы, Главной Крепости Столицы, до общежития – 3-го Дома ЦК, что на Пресне, он ходит пешком. Сорок – сорок пять минут хода в среднем темпе. Это раз.

– Тук-тук-тук! – охотно согласились каблучки.

Ходит одним и тем же маршрутом – самым прямым. Где-то треть пути – узкими пресненскими переулками. Вечерами здесь редко кого встретишь, кроме вездесущей шпаны. С этими Леонид разобрался быстро, теперь пятой дорогой обходят.

– Тук-тук!..

И вот – шаги, легкий стук каблучков за спиной. Услышал бы в первый раз, внимания не обратил. Второй – уже призадумался, но волноваться бы не стал. Вдруг совпадение, вдруг они с барышней одной дорогой со службы топают? Странно только, что барышня куда-то девается, как только они к улице Первой Баррикады подходят, где фонари горят и наряд милицейский скучает.

– Тук!..

Два раза – совпадение, три – правило. Легкий стук за спиной он слышит четвертый вечер подряд. Все повторяется: пустые переулки, неяркий свет в редких окошках, заборы слева, забор справа – и Смерть за спиной.

Бывший старший уполномоченный ВЧК улыбнулся, радуясь наступившей ясности, и понял, что самое время подумать о чем-то ином, глубоких размышлений не требующем. Скажем, о печатной машинке с буржуйским именем «ремингтон». Американская, новенькая, вышший шик, не в каждом наркомате встретишь – а печатать, считай некому. Бывший техработник, ныне же его заместитель товарищ Касимов Василий Сергеевич лупить по клавишам наловчился быстро, грохот стоит – словно от пулемета «Гочкис». Вот только с грамотностью у парня – полный провал, корову через «ять» пишет. А ведь их бумаги не только к товарищу Киму попадают, порой и куда повыше. Непорядок!

Кого другого за «ремингтон» усадить? Техника тонкая, как бы не напортачил...

И тут Леонид понял, что его смущало. Каблучки! Хотели бы «хвост» пустить, иную, удобную, обувь девице бы подобрали. А вдруг он в бега ударится? Хотели бы прикончить – прикончили, быстро и без всякого «тук-тук». Значит, не просто следят – знак подают. Поимей, мол, в виду, товарищ, не один ты на белом свете. Мы здесь, мы рядом, по следу идем, в затылок дышим.

Рука вновь скользнула в карман за платком. Жаркая ночь, душная, а пиджак не снимешь. И оружие не поможет, ни то, что у пояса, ни «бульдог» под мышкой. У той, что за ним идет, ушки на макушке. Снимет свои «тук-тук» – и в ближайший переулок нырнет, не найдешь и не догонишь.

Он оглянулся на ходу, скользнул взглядом по густой вязкой темноте, вспомнил, чему старшие товарищи учили... Нет, одному не справиться. Знать хоть бы, кто эти затейники! Местным бандитам-душегубам на нервах играть ни к чему, не их метода. Сявки да «деловые» тишину любят да внезапность. А если не бандиты? Тогда дело совсем плохо, считай, хуже некуда. Или brave ребята из ГПУ – или свои, из Третьего отдела ЦК, именуемого также Цветочным. Эти могут, эти на выдумки горазды.

А причины есть?

Леонид вновь скривил губы улыбкой. Это кто бы спрашивал! Даже искать не стоит, сто причин имеется – и еще дюжина в запасе. Скажем, недавний разговор в кабинете товарища Кима. Днем поговорили, а вечером он впервые услышал за спиной легкий стук.

Может, и это совпадение?

Может...

3

– Товарищ Москвин? Не заняты? Загляните ко мне на второй этаж. И захватите документы по предложению Резунова.

– Понял, товарищ Ким. Иду.

Леонид, положив телефонную трубку, отставил в сторону недопитую кружку чаю, пружинисто встал, одернул гимнастерку. Теперь бумаги. Письмо от члена РКП(б) с мая 1920-го Резунова Богдана Ивановича прислали с курьером всего час назад, значит, оно еще здесь, в кабинете. А если в кабинете, то на столе справа, где лежат еще не просмотренные бумаги.

Кажется, вторая снизу. Есть!

Месяц назад о Техгруппе вспомнили. Сначала прислали двух сотрудников «на укрепление», потом еще троих, а неделю назад, в самом конце июля – еще одного, в качестве, как было сказано в сопроводилке, «сверхштатного техработника». В результате собралось чуть ли не отделение полного состава. Работать стало легче, зато обнаружился явный недостаток мест – небольшая комната, выделенная группе еще два года назад, оказалась переполнена. Начальство пообещало разобраться, пока же выделило небольшой закуток в том же коридоре – персонально для руководителя Техгруппы товарища Москвина. К комнатке-закутку полагался большой черный телефон, сейф, стол и два стула.

«Ты теперь, товарищ Москвин, совсем начальник, аж страшно», – констатировал Вася Касимов.

Леонид не стал спорить и, оставив за старшего товарища Касимова (дабы не слишком умничал), перебрался в импровизированный кабинет. Сразу же стало скучно, зато появилась возможность спокойно заниматься бумагами. Теперь все входящие просматривались им лично и лишь потом передавались сотрудникам группы для разработки. Сегодняшние бумаги изучить он уже успел, а вот отдать – еще нет.

Тем лучше. Отдал бы он письмо Резунова кому-нибудь длинноногому – и бегай потом за ним по всей Столице.

Леонид, захватив нужную папку, направился в Сенатский корпус. Приказ начальства несколько удивил, но не слишком. На то оно и начальство, дабы чудить. Бумажку туда, бумажку сюда...

Насторожился, лишь войдя в кабинет. Товарищ Ким восседал на подоконнике у открытого настежь окна, дымя английской трубкой. Запах табака показался знакомым – «Autumn Evening», то ли контрабандный, то ли, чем черт не шутит, трофейный. Это было привычно, но вот за столом расположились некурящие.

– Здравствуйте, товарищ Москвин! Проходите!..

Товарищ Ким слез с подоконника, шагнул вперед, резко пожал руку.

– Знакомы?

Леонид уже успел пожалеть, что не отдал письмо кому-нибудь с резвыми ногами. С товарищем Кимом любые вопросы решались просто, но вот гости...

– Знакомы...

Справа – товарищ Лунин, зам председателя ЦКК – РКИ. Ростом невелик, плотью тощ, костью крепок, ликом мрачен. Не иначе товарищ Ким успел скормить гостю целый лимон, причем без сахара. Но товарищ Лунин – еще не беда, а вот рядом...

– А я, кажется, нет. Здравствуйте, товарищ Москвин. Очень приятно!..

Этот лимона не ел – улыбается, руку трясет. А у самого ручищи – грабли и рукопожатие, словно у кузнеца. Саженный, лицо-череп, кости из-под кожи проступают, глаза глубоко спрятались, смотрят остро, с любопытством. И еще разница: товарищ Лунин стрижен коротко, по-армейски, а вот у этого черная грива чуть ли не до плеч, словно у провинциального трагика.

– На всесоюзную известность не претендую, поэтому представлюсь. Валериан Владимирович...

...Куйбышев, председатель Центральной Контрольной комиссии, ныне, по воле Вождя, объединенной с наркоматом Рабоче-крестьянской инспекцией. Недреманное Око партии.

Виду Леонид не подал, представился в ответ, присел поудобнее, даже достал папирсы, но закурить не решился. Не так что-то. От знающих людей он слышал, что в прежнее время с Техгруппой тесно работал товарищ Сталин, бывший Генсек. Сам задания ставил, сам принимал отчеты. Но где теперь тот Сталин? И группа где? Ни следочка, ни пятнышка даже.

Сам Леонид решал дела только с товарищем Кимом. Так оно и проще и безопаснее.

Недреманное Око – зачем?

– Как я понимаю, в папке письмо Резунова? – товарищ Ким, пыхнув трубкой, вновь присел на подоконник. – Называется оно, если память не изменяет, «Предложения по совершенствованию проведения партийных мероприятий»?

Память начальству не изменила. На всякий случай Леонид приподнял папку, продемонстрировал – и вновь уложил на зеленое сукно столешницы.

– Дело в том, что у товарищей из ЦКК возник вопрос...

– Да! – Куйбышев встал, расправил широкие плечи. – Понимаете, товарищ Москвин, действительно возник, но не вопрос, а, скорее, мнение. Возникло...

Леонид удивленно моргнул. Такое у начальства случается постоянно, но почему Недреманное Око мнетса? Словно не в радость ему это «мнение».

– В общем, мы предлагаем письмо не рассматривать – и отослать в архив.

– А еще лучше – сжечь! – неприятным голосом перебил товарищ Лунин.

Если бы не это, Леонид, пожалуй бы, смолчал. Чего из-за бумажки волноваться? Не первая она и не последняя. Но слишком уж резок был стриженный.

О Николае Луние товарищ Москвин слышал немало. На первый взгляд – из героев герой, всю войну прошагал, от самых первых выстрелов на столичных улицах в октябре 1917-го. Если же присмотреться, то и вправду герой: два ранения да еще тиф, еле выходили парня. Все так, только знал Леонид и другое. Был товарищ Лунин комиссаром знаменитой Стальной имени Баварского пролетариата дивизии – той самой, что кровью изошла на Перекопе. Семь раз поднимали бойцов – в лоб да на пулеметы. Хотели и в восьмой, только некого стало.

Погибла дивизия, костями легла вместе с начдивом, штабом и духовым оркестром. Комиссар же уцелел, вот он, член ЦК товарищ Лунин Николай Андреевич!

Везучий, однако!..

Леонид вновь взял в руки папку с письмом, поглядел на прямое и непосредственное начальство.

– Товарищ Ким! А что, правила изменились? По инструкции после того, как я за входящие расписался, документ находится в полном распоряжении группы. И я, между прочим, за него отвечаю. Или уже нет?

Секретарь ЦК огладил короткую шкиперскую бородку, пожал плечами:

– Правила, товарищ Москвин, не менялись. Письмом Резунова распоряжаетесь только вы.

Затянулся трубкой, выдохнул серую струю дыма, в окошко поглядел.

– Но позвольте!.. – Лунин вскочил, дернул худой шеей. – Вы, кажется, забываетесь, товарищи. Только что вы получили распоряжение от самого председателя...

– Погоди, Николай! – Недреманное Око досадливо поморщился. – Ты же не на партийной чистке! Мы потому сюда и пришли, чтобы спокойно разобраться. Леонид Семенович, формально вы правы, да и по сути тоже...

То, что обратились по имени-отчеству, Леониду понравилось. Товарищ Куйбышев хоть и начальник, да не хам. Ясно стало, что не его, долгогривого, эта затея. Кажется, Председатель ЦКК – РКИ сам не рад, что ввязался.

– Письмо поступило в Общий отдел Центрального Комитета, оттуда его направили в Орграспред, там тоже не захотели разбираться и перебросили вам...

– Так точно, – удивился Леонид, на этот раз вполне искренне, – Валериан Владимирович, Техгруппа для того и создана – чтобы разбираться. В чем дело-то?

Вместо ответа Куйбышев поглядел на Лунина. Тот вновь вскочил.

– Это письмо – вредительское, вражеское! В нем предлагается способ тайного контроля над партийными выборами, по сути – их подтасовки. Хуже того! Там изложены предложения по организации слежки над членами партии. Прямо опричнина какая-то! Этого Резунова надо самого немедленно арестовать и разьяснить. Он – провокатор!..

Леонид представил, каков был Николай Лунин на фронте. Да, этот на пулеметы поведет! И в первую атаку, и в восьмую, до полного и окончательного результата.

– Если хотите арестовать, телефон на столе, – донеслось от окна. – Можете сигнализировать лично Феликсу. Коммутатор, номер 007.

Товарищ Ким с самым невозмутимым видом дымил трубкой. Легкая улыбка пряталась в шкиперской бороде.

– Я не о том!.. – Лунин осекся, поморщился. – Дурак он, этот Резунов...

– Не дурак...

Леонид резко выдохнул, встал.

– У меня не было времени, чтобы поработать с письмом, но понял я вот что... Резунов обращает наше внимание на то, что в последние два года съезды и конференции РКП(б) стали многочисленными, на сотни участников, если с приглашенными считать. Последний съезд резко увеличил состав ЦК, там сейчас тоже за сотню, в том числе много новичков. В такой ситуации люди друг друга знать не могут, значит, на съезд, конференцию или пленум вполне может пробраться враг. Технически это не слишком сложно. Что будет потом, представить легко. Нам же не нужен теракт прямо на съезде, товарищи?

Куйбышев согласно кивнул, Лунин же вновь дернул лицом, явно желая возразить. Не решился, в сторону поглядел.

– Резунов предлагает систему мер безопасности. Для начала делегаты сдают все личные вещи, кроме партийного билета. Необходимое для работы им выдают при регистрации: папку, самопишущую ручку, бумагу, подборку документов. Это, кстати, будет прекрасным подарком...

– ...И памятью на всю жизнь, – перебил Недреманное Око. – Идея хорошая, на следующей конференции мы так и сделаем. Но, Леонид Семенович, там же не только о подарках?

– Предлагается в качестве приглашенных направлять агентуру – в соотношении пять к одному. наших работников рассаживать так, чтобы каждый сотрудник мог контролировать своих соседей...

– Контролировать! – фыркнул Николай Лунин.

– Контролировать, – невозмутимо повторил Леонид. – Это лучше, чем терять людей.

– Летом 1919-го анархисты пробрались на заседание Столичного горкома, – негромко напомнил товарищ Ким. – Убита дюжина, вдвое больше раненых, погиб секретарь горкома товарищ Загорский.

Товарищ Москвин кивнул, благодаря за поддержку. Историю эту он помнил, вот только насчет анархистов сильно сомневался. Убиенный Загорский считался креатурой покойного Свердлова. На заседание должен был также приехать Вожь, но почему-то не смог.

– Резунов предлагает брать у каждого делегата отпечатки пальцев – незаметно, при регистрации. Вот тут я категорически возражаю.

И действительно! Зачем именно при регистрации? Среди делегатов наверняка будет немало бывших чекистов, сообразят сразу. Тоньше работать надо, товарищи, изобретательней.

– И, наконец, система контроля над голосованием. В данном вопросе я с товарищем Луниным совершенно согласен – такое нам совершенно не требуется...

Леонид широко улыбнулся, словно при разговоре с подследственным. Бывший комиссар, не выдержав, отвернулся.

– Для нас, товарищи, не требуется, для РКП(б). Но для работы за кордоном, для разведки и Коминтерна такое очень даже может понадобиться. Представьте, что проходит съезд не коммунистической, а фашистской партии...

– Лучше – социал-демократов, – деловито поправил Недреманное Око. – С фашистами мы в любом случае каши не сварим, а социал-демократов можно и нужно разлагать – и перетаскивать на нашу сторону. А что конкретно предлагается, Леонид Семенович?

Товарищ Москвин вновь не удержался от усмешки. Ключуло!

– Для начала – специально подобранная бумага, на которой будут печататься бюллетени. Надо найти такой сорт, чтобы отпечатки пальцев были четкие и легко определяемые...

На этот раз Леонида никто не перебивал. Слушали внимательно, не пропуская ни слова. Куйбышев даже взял со стола бумагу и карандаш, но писать ничего не стал. Товарищ Москвин же увлекся. Кроме предложений неведомого ему Резунова, бывший чекист имел и свои собственные мысли, которые не преминул озвучить. Скажем, неплохо бы озаботиться образцами почерка. При тайном голосовании порой не только фамилии замарывают, но и слова пишут...

Исчерпав тему, товарищ Москвин хотел присесть, но спохватился:

– Кажется, вопросы полагаются?

Присутствующие переглянулись.

– У меня вопрос, – отозвался товарищ Ким. – Очень простой, но важный. Если наши службы освоят всю эту технику, какая гарантия, что подобные хитрости не попытаются использовать против партии?

На этот раз начальник не улыбался. Голубые глаза смотрели сурово и твердо.

– Точно формулируете, товарищ Ким! – не преминул вставить Лунин. – Я и сам хотел...

Не договорил, остановленный резким жестом руки, в которой была зажата трубка «Bent».

– У меня не только вопрос, но и ответ. В таких делах гарантий нет и не будет – кроме нас самих. Вы, товарищ Лунин, заместитель председателя ЦКК – РКП, стало быть, гарантия первая. Товарищ Куйбышев – кандидат в члены Политбюро и руководитель Центральной Контрольной комиссии. Значит, он – гарантия номер два...

– Ладно тебе, Ким, – махнул рукой-граблей Недреманное Око. – Все мы – гарантия. Пока живы, такому не бывать. Эта, как ты говоришь, техника – вроде змеиного яда, когда отравы, а когда и лекарство. Главное в рецепте не ошибиться.

Куйбышев говорил вполне искренне, без всякой нарочитости, но Леониду почудилось, что в голосе долгогriвого самым краешком скользит радость. Он явно не хотел ссориться с товарищем Кимом, тем паче по поводу какого-то сомнительного письма. Валериан Владимирович в партии человек не последний, но и ценитель английских трубок – не из рядовых. Секретарь ЦК, член руководящей «тройки» – и тоже кандидат в Политбюро.

– А вам, Леонид Семенович, большое спасибо за столь интересный доклад. Когда оформите на бумаге, обязательно прочту.

И вновь грабля-ладонь вцепилась в пальцы. Тряхнула – раз, другой.

– Кстати, Ким, ты не говорил товарищу насчет сектора? Почему? Это же Леонида Семеновича в первую очередь касается.

– Валерьян, не порть мне сотрудника, – донеслось от окна. – Такие новости мешают сосредоточиться на работе.

– Вот еще! Леонид Семенович, Секретариат решил преобразовать Техгруппу в сектор при Научно-техническом отделе. Другие штаты, другая ответственность.

– И руководитель другой, – бывший комиссар Лунин впервые за весь разговор улыбнулся. – Не ниже кандидата в члены ЦК.

Леонид понял, что нажил себе врага. Не испугался, но все-таки огорчился. Иметь такого за спиной – невеликая радость.

– Вот и прекрасно, – усмехнулся в ответ. – Честно говоря, не люблю быть начальником. Сотрудником оставите – и хорошо.

Куйбышев явно хотел что-то возразить, но, покосившись на товарища Кима, промолчал.

Когда дверь кабинета закрылась, любитель трубок, проводивший гостей до порога, резко обернулся:

– Рисковый вы человек, товарищ Москвин. Право, не ожидал!

Леонид чуть не обиделся. И даже не чуть, а вполне серьезно. Неужели Секретарь ЦК не пролистал личное дело своего сотрудника – хотя бы из чистого интереса? А вдруг руководитель Техгруппы – не большевик с декабря 1917-го, а, скажем, питерский бандит Фартовый с чужой ксивой?

– Здесь не фронт и не тюрьма, – понял его товарищ Ким. – Иная смелость требуется. В этих коридорах героизм быстро тает. Одно дело рискуешь жизнью, совсем иное – властью... Кстати, вы со своим заместителем, с товарищем Касимовым, не ссоритесь?

«Кстати»! Леонид невольно восхитился. Тебе бы в следователи, начальник! Интересно, какого ответа он ждет?

– С товарищем Касимовым отношения у нас рабочие. Не ссоримся. Иногда спорим.

Отрапортовал – и в чужие глаза поглядел, скользнул взглядом по синему льду.

– Тем лучше, – еле заметно дрогнул лед. – Между нами... Товарищ Лунин перед вашим приходом предлагал перевести вас на другую работу, а на Техгруппу поставить Касимова – временно, пока сектор создается. Это я вам так, исключительно для сведения.

Леонид выждал секунду, взгляда не отводя. Губы сжал.

– Так точно, товарищ Ким. Для сведения.

И улыбнулся.

4

– Тук-тук! Тук-тук! – напомнили о себе каблучки. Кажется, Смерть-девица заспешила, подобралась поближе. До Первой Баррикады всего квартал остался, и если вдруг решит нагнать...

Леонид представил, как бы он действовал на ее месте. Сейчас они оба в темноте, но скоро зажгутся фонари и нарисуетя раб божий черным силуэтом по желтому пятну. Если эта, с каблучками, хорошо стреляет – сразу положит, даже близко не подходя. Особенно когда в сумочке (наверняка тоже контрабандной) не наган, а что-то посерьезней.

Тьфу ты!

Остановился, подождал, пока затихнет знакомый стук, повернулся резко:

– Эй, чего вам надо?!

Ответа не ждал, даже эха. Откуда ему взяться, не в горном ущелье они, а в пресненском переулке. Просто так крикнул, чтобы на душе полегчало.

– Завтра после семи. Пивная «У Грека» на Тишинке. Приходи, Лёнька.

Голос молодой, веселый, с легкой издевкой. Видать, с характером девка, непростая.

– А кто зовет?

– Пан зовет...

И словно эхо проснулось, загуляло в дюжину голосов по тихому, утонувшему в ночи переулку. «Пан... Пан... Паны...»

«Мы ведь чего Паны, Лёнька? Не потому что ляхи, а потому что я – Пантюхин, а Серега – Панов. А ты, Пантёлкин, стало быть, третьим будешь».

Смерть-девица звала на встречу с мертвецом.

* * *

– Тук-тук-тук... – дальним, еле слышным отзвуком. Незнакомка уходила, Леонид улыbnулся ей вслед – прямо в черную тьму. И спасибо сказал, неслышно губами шевельнув. За ясность поблагодарил. Пусть и не полную, но все-таки...

Старший уполномоченный ВЧК Пантёлкин никому не говорил о Пантюхине и Панове. Ни связному, ни руководителю операции, ни позже – на допросах. Значит, бывшие его сослуживцы, равно как мудрый товарищ Ким, эту, на легких каблучках, не присылали.

Пан... Знать бы который!..

Впереди неярко замаячил знакомый желтый свет. Почти пришел, улица Первой Баррикады, теперь налево, мимо райкома – и напрямик к трехэтажному зданию красного кирпича. 3-й Дом ЦК, бывшая фабричная гостиница. Получив там комнату, товарищ Москвин очень удивился: зачем фабрике гостиница? Неужто столько гостей съезжалось?

Леонид ступил на освещенный желтым огнем тротуар, облегченно вздохнул, хотел достать платок.

Замер.

Желтый свет – черное авто. И кто-то огромный, громоздкий, словно гиппопотам из Столичного зоосада. Тоже черный – против света стоит.

По чью душу – ни думать, ни спрашивать не требуется. Авто по улице Первой Баррикады только днем ездили, и то не слишком часто. Райкомовская машина, еще от заводоуправления – считай, и все. Чужих и не было, что им делать в рабочем районе? В Доме ЦК селили служащих калибра среднего, скорее даже мелкого, среди таких и товарищ Москвин – большой начальник. А тут ночь, пустая улица, авто – прямо посреди, словно Первая Баррикада. И этот громоздкий, само собой.

Леонид поставил на булыжник портфель, одернул пиджак, волосы по привычке пригла-
дил. Веселая ночка выдалась. Что, интересно, к утру случится?

Самому подойти – или подождать?

Пока думал, громоздкий колыхнулся, вперед шагнул тяжелой гиппопотамьей поступью. И пока топал, на левую ногу-тумбу хромая, пока сопел да тяжело дышал, как-то незаметно в размере менялся. Была гора – уже горушка, а там и холм невеликий. Когда же доковылял и руку протянул, никаким гиппопотамом уже не казался. Росту среднего, в плечах то ли узок, то ли широк, лицом нечеток, разве что глаза не спутаешь. Хоть и меняют цвет, зато взглядом памятны.

Костюм белый, сукна дорогого, заграничного, туфли летние, в мелкую дырочку, из-под пиджака кобура топорщится. И улыбка – тоже из зоосада, крокодилова. Если же все вместе сложить, то ничего особенного – агент Живой собственной шкандыбающей персоной. Он – же Не-Мертвый, он же Симха-Хаим-Гершев, он же – просто Блюмочка.

– Привет, Яша!

– Здорово, Лёнька!

Пока руки пожимали да по плечам друг друга охлопывали, словно при обыске, Леонид мысленно выругал себя за беспамятность. Яшка звонил вчера ему на работу, сказал, что убывает, причем надолго, обещал следующим вечером подъехать. А следующий вечер – это как раз сегодняшней. Точнее, не вечер уже, ночь.

– Я тебя, Лёнька, все жду, жду, волноваться начал. Дай я на тебя хоть посмотрю, к свету повернись. Шейн ви голд!¹ Похорошел, щечки наел, сразу видно, не из тюрьмы. А я, как видишь, все хромаю, как подстрелили весной, так до сих пор мучаюсь. Потому и авто у начальства вытребовал, чтобы ножку не трудить. Ну пойдем, я там кой-чего захватил, хлебом на посошок. Скверное у меня было сегодня настроение, Лёня, а тебя увидел, похорошело сразу.

Фэйгэлэ фин ибер Шварцер ям
Ун мир гебрахт а бривеле
Финн малке фин Таргам...²

Пока Блюмочка рулады выводил, ночную тьму распугивая, пока к автомобилю волок, товарищ Москвин пытался разгадать простую загадку. Зачем он Яшке понадобился? То годами не видятся, черепа друг другу чуть не дырявят, а тут вдруг такая внезапная любовь с серенадами. Любовь же у товарища Блюмкина бывает только одна, которая с интересом. Какой же интерес в том, чтобы его, скромного работника ЦК, чуть не полночи ждать?

Хлопнула черная дверца, Блюмочка с невиданным проворством нырнул в автомобильное чрево, повозился, сопя, выглянул:

– Держи! Да поставь портфель, бюрократ паршивый!..

...Бутылка, черная, без этикетки, кружка легкого британского серебра с гербами по бокам. Не контрабандная – трофейная, из персидского города Энзели. Когда в прошлый раз встречались, Яшка целую историю про кружку успел сплести. Как Энзели брал, как раздавал винтовки «персюкам», местных бандитов наркомами ставил, а потом самолично в расход выводил. Была, была Гилянская Советская республика, агентом Не-Мертвым опекаемая! Куда только делась? Кружка же – из офицерского чемодана. Быстро лейтенанту-англичанину бежать пришлось, вот и бросил добро, чтобы самому уцелеть.

Яшка выбрался из авто, бутылку отобрал.

¹ Красив, как золото (*идиш*).

² Песня про птичку, прилетевшую из-за моря. В русском варианте: «В неапольском порту, с товаром на борту «Жаннетта» починала такелаж».

– Это, Лёня, не самогон, не надейся. Из Франции, какое-то их особое «шато», я даже название не запомнил. Ну, выпьем!

Пробку зубами вынул, ударил стеклянным горлышком о серебро.

Как цветок душистый аромат разносит,
Так бокал игристый тост заздравный просит.
Выпьем мы за Лёню, Лёню дорогого,
Свет еще не видел красивого такого!

Кружка, пусть и серебряная, была одна, поэтому пили по очереди, как на фронте – или на киче. Леонид отхлебнул глоток, поморщился. Кислятина!

– Дикарь ты, Лёнька! – рассмеялся Блюмочка. – Нельзя тебя к правильным винам подпускать. Французы его как пьют? Там такая, извини, церемония, ни один бадхан³, будь он из самой Жмеринки, не разберется. Сперва на стол ставят, обязательно чтобы при свечах, смотрят, глаз не отводя, потом, понимаешь, кланяются – благодарят напитоком...

Сам Яша кланяться не стал – отхлебнул от души, из бутылки подлил.

– А потом – глоточками, глоточками, и еще причмокивают. Мне это, Лёнька, нашу Мясо-едовскую улицу в Одессе напомнило. Дом там желтый стоит – для тех, которые по самые уши мишинигер⁴. Они тоже причмокивать горазды. Ничего, дай срок, установим в этой Франции правильную власть, тогда и научим лягушатников самогон мануфактуркой занюхивать. Ну, еще по одной!

Я цветы лелею, сам их поливаю,
Для кого берег я их, лишь один я знаю.
Ах мне эти кудри, эти ясны очи,
Не дают покоя часто до полночи!

Певун из Яшки был никакой, ни слуха ни голоса, но петь любил, особенно в компаниях – чтобы лишнего не болтать. Спросят о чем-то, а Блюмочка глазами моргнет и вместо ответа романс затянет. Слушать же самому это нисколько не мешало.

Пел он и в их последнюю встречу, когда впервые за много лет собрались втроем – Лёнька с Яшкой и восставший из мертвых Лафар. Но это с точки зрения бывшего товарища Пантёлкина, ныне же Москвина. Жора (теперь – Егор Егорович) и сам в изумлении пребывал. В своем далеке он за судьбой друзей следил внимательно, благо и про эсеровского террориста Блюмкина, и про бандита Лёньку Пантелеева писали немало. Когда газеты о смерти Фартового сообщили – не поверил. Но потом, в СССР вернувшись, заехал в Сестрорецк родню повидать, затем, самой собой, в Питер подался. А там шустряки из ГПУ, дабы лихость свою показать, банку со спиртом предъявили. Спирт синий, почти лиловый, а сквозь него мертвая голова пустыми глазами смотрит. Вот вам, мол, товарищ Лафар, бандит Фартовый персоной собственной, пусть и в неполном виде.

Тогда и поверил Жора, что нет больше друга Лёньки на свете. Так и смотрели они друг на друга весь вечер, два то ли покойника, то ли воскресших. Блюмочке же, даром что на костыле приковылял с ногой в бинтах, хоть бы хны – острил, смеялся, друзьям подливал. И песни пел. С романсов начал, потом на еврейские свернул, а после затянул что-то заунывное на фарси.

Самым же обидным было то, что ни о чем друга не спросишь. Куда ездил, чем занимался – поди догадайся. Жора лишь сказал, что про арест не соврали – было, причем по полной

³ Распорядитель на свадьбе (*идиш*).

⁴ Сумасшедший.

программе. Два ребра сломали, и челюсть фарфоровую ставить потом пришлось. Накрыли тогда, в марте далекого 1919-го, всю Иностранную коллегия во главе с Ласточкиным и Лябурб. Жора не с ними работал, даже связь из осторожности не держал, но арестовали и его.

– Значит, правда? – не выдержал Леонид. – Наши тебя сдали?

– Говорят, план такой был, – улыбнулся в ответ Лафар, блеснув фарфоровыми зубами.

Всех товарищей на Большой Фонтанской дороге расстреляли, а Жору вывезли из Одессы напрямик к туркам, в Константинополь, оттуда же – на родину предков, в Belle France.

И – все. Чем занимался друг в этой самой «Белль» – ни слова. И про иное, сегодняшнее, тоже молчок. А когда уже крепко поддали, поднял Жора стакан с польской вудкой.

– Везучие вы ребята, – сказал. – И я везучий, даже сам удивляюсь. Оглянусь назад – и пожалеть не о чем, правильно все сложилось. Один камень на сердце – не уберег я тогда, в 1919-м, Веру Васильевну, которая меня на французского полковника в штабе вывела. Самому прорываться следовало, да вот решил голову побережь. Вера замечательным человеком была, только не готовил ее никто, не учил нашему ремеслу. Раскрыли сразу... И товарища погубил, и детей ее, двух девочек сиротами оставил. Последнее это дело – женщинами в бою прикрываться. Мой это грех! Почтим память, ребята, красной разведчицы Веры Васильевны Холодной!

Выпили молча, ни о чем не спросили. Фамилия Леониду показалась знакомой – то ли певица, то ли актриса. Уточнять, понятно, не стал, чтобы душу Жоре не тревожить, о другом подумал. У Лафара – один грех, пусть и тяжкий. А у него? Враги на фронте и мразь бандитская в Питере – не в счет, за этих ему только спасибо скажут, что на этом свете, что на том. А люди невинные, что под его пули попали? А семья на Кирочной улице? Нет, лучше не вспоминать!

Хорошо еще, Яша новую песню затянул, отвлек.

Так и посидели, а на следующий день Жора Лафар уехал. Сказал, что надолго, а куда и зачем, гадайте сами.

* * *

– Чего грустишь, Лёнька? – Крепкие пальцы взяли за локоть, встряхнули. – Тебе бы, чудак-человек, радоваться надо. Не жизнь у тебя, а полный нахес и ихес⁵. В Столице сидишь, в спецбуфете пайки получаешь... А у меня вместо жизни – сплошные командировки, и каждая из таких, что в один конец. Живым вернусь – все равно не в радость. Кто во всем виноват? Понятное дело, Блюмкин! Я, считай, штатный Suendenbock. Что, и немецкого не знаешь, неуч? Козел отпущения, вот кто. Я ведь чего тебя видеть хотел? Опять меня в дальние края отправляют, куда даже товарищ Макар телят только под конвоем гоняет...

Леонид слушал, цедил винцо мелкими глотками, по-французски, молчал. То, что агент Не-Мертвый ждал его среди ночи не только, чтобы попрощаться, стало ясно сразу. Не такой он человек, Яков Блюмкин, чтобы в чувственность без служебной надобности впадать. Все раз-узнал до мелочей, авто подогнал как раз к переулку. И та, с каблучками легкими – не Яшкина ли затея? Поди, разберись!

А еще Блюмочка разговор продумал до мелочей – с песнями, с тостами, с жалобами на жизнь свою козлиную. И вино кислое, с малым градусом, неспроста взял, чтобы голову трезвой оставить. Сбить бы этого выдумщика с мысли, чтоб подрастерялся слегка, уверенности лишиться...

– Все хромаешь? – как бы невзначай поинтересовался Леонид, в очередной раз кружку подставляя. – Или пуля кость задела?

Бутыль слегка дрогнула. Яшка поморщился, огладил левое колено.

⁵ Так хорошо, что лучше не бывает (*идиши*).

– Не задела, заразу в госпитале занесли. Ну сука, а лох им коп, попомнит у меня!..
Осекся, убрал бутылку.

– Кому эту дырку в голове? – товарищ Москвин удивленно моргнул. – Ты же нам с Жорой заливал, будто тебя на операцию назначили, персов залетных брать – знакомых твоих с Гиляна. Сука, значит, персидская была?

Яшка засопел, отвернулся.

– Я еще тогда подумал, как тебя на такое дело взять могли? Ты же, Блюмочка, по бумагам в Госполитуправлении не числишься, ты у нас сейчас по военной части, у самого товарища Троцкого служишь. Так откуда пуля прилетела?

Блюмкин поглядел без всякой приязни, но огрызаться не стал, спокойно ответил:

– Прилетела, откуда не надо. Если честно, сплеховал, недооценил объект. Ничего, обменялись гостинцами... А насчет ГПУ сам знаешь, мы оба до сих пор в кадрах, никто нас не отпускал и не отпустит.

Леонид постарался не улыбнуться. Твоя метода, Яшка, сам же учил. Вот и первая новость – насчет того, что он, бывший старший уполномоченный, в кадрах числится. Выходит, чтобы выгнали, и смертного приговора мало?

Давай, Блюмочка, сыпь дальше!

– А все, Лёнька, из-за тебя! Проявил сознательность, сберег бумаги Георгия. И кому на радость? Может, Георгий того и хотел, чтобы в ход их пустить – твоими и моими руками? Сам-то не мог, в дальних краях пребывал. А ты, как в притче про Бен-Пандиру, зарыл, понимаешь, талант в землю, шлемазл! И что выгадал? Кресло да портфель в своей конторе? Комнату в общежитии? Такую задумку сорвал, дурак!

Товарищ Москвин не обиделся – ни на шлемазла, ни тем более на дурака. Улыбнулся – прямо в лицо Яшкино.

– Тебе, Блюмочка, слова про дружбу да про долг говорить смысла нет. Ты у нас человек конкретный, реалист, можно сказать. Так вот тебе реальность: я по Столице с портфельчиком гуляю и в цековском буфете отовариваюсь. А ты, Яша, с Макаром на пару поедешь телят гонять. Кто в выигрыше, сравни.

Потом Черную Тень вспомнил, слова, той ночью услышанные.

– Мне на судьбу твою, Яша, вроде как цыганка гадала. Расстреляют тебя аккуратно через шесть лет. И знаешь за что? За то, что в первый раз по закону чести жить попытаешься. Таков вот твой, как ты говоришь, мазал.

Сказал – и язык прикусил. Зря это он, обидится Яшка. Но тот лишь засопел, шагнул ближе, дохнул табачным перегаром:

– «Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет...» – Потемнели глаза, загустел голос, серым камнем подернулось лицо. Словно не друг Яков уже перед ним, а кто-то иной, незнакомый. – «...А негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Притчу я тебе, друг мой Лёнька, не зря напомнил. За меня не беспокойся, о себе подумай. А чтобы лучше думалось, приходи завтра к двенадцати в Большой Дом на Лубянке, там тебе все внятно разъяснят.

Леонид лицом не дрогнул.

– Прямо-таки приходи? Повестку шлите. И не мне, а в Центральный Комитет, прямо в Орграспредотдел. Там все и разъяснится. Какой дурак сам на Лубянку пойдет?

– Ты и пойдешь, – Блюмочка хмыкнул, скривил толстые губы. – И не просто, а по делу, бумагу занести или справку какую взять. Чтобы твои начальники в Орграспредотделе в сомнения не впали. Пропуск на тебя уже выписан, назовешься, документ покажешь, тебя и проведут.

Теперь все и вправду стало ясно. Потому и поджидал его Блюмкин, потому и авто выпросил. Значит, днем – встреча на Лубянке, вечером, если выпустят, на Тишинке... Не многовато ли будет?

– Помнишь, Лёня, наш разговор на киче? Говорил я тебе – будут перемены. Вот они и начались.

Товарищ Москвин пожал плечами. Плохой из Блюмочки пророк. Все ждали смерти Предсовнаркома, о близкой схватке Скорпионов-наследников думали. Иначе вышло. Вождь-то живехонек!

– Не надейся, – понял его Блюмкин. – Дело уже не в Вожде. Жив он или мертв, здоров или болен – какая теперь разница? Пока он в Горках лежал, власть уже поделили и даже успели передел начать. Задвигались колесики, а за ними и жернова. Так что, Лёнька, осторожным будь, чтобы меж этих жерновов не оказаться. Итак, завтра в полдень заходи прямо в главный подъезд, где пропуска проверяют. И будет тебе, Лёнечка, счастье, это я тебе без всякой цыганки скажу. А то, что к стеночке прислонят – меня ли, тебя, – беда невелика. За один наш день я целую жизнь, скучную да серую, не променяю. Не нам, Лёнька, портфели таскать и начальственные кресла просиживать. Ты в Столице тосковать будешь, а я поеду туда, где, глядишь, судьба целого мира решится. Завидуй!..

Подошел совсем близко, лапищей за плечи приобнял:

– Ну, пьем посошок!

Остаток разлил, передал кружку.

– Мазал тов⁶, Леонид! Удачи – и тебе, и мне!.. «Кто забот не знает, счастлив будет вечно, кто же выпивает, проживет беспечно!»

Весело спел, ногой здоровой по булыжнику притопнув, пустую бутылку в ночное небо бросил, поймал, губы улыбкой растянул чуть ли не до ушей. Только о глазах позабыл.

Недобро глядел на друга Лёньку агент Не-Мертвый.

* * *

Комната товарищу Москвину досталась на втором этаже с окнами во двор. Лучше не придумаешь: в мае сирень цветет, летом в густых тополиных кронах птицы голосят-стараятся. И тихо. Будто не в Столице живешь, а в городишке уездном. Леонид по примеру начальства быстро освоился курить на широком подоконнике, дабы комнату не слишком задымлять. Одно удовольствие! Хочешь на сирень смотри, хочешь – на зеленые кроны, а надоест – гляди прямо в небесный зенит. Днем синевой любуйся, ночью звезды считай.

Сейчас за окном была горячая душная тьма. Леонид достал пачку «Марса», покрутил в руках, положил на подоконник. Вспомнилось, как они в Техгруппе спорили по поводу названия. И в самом деле, отчего «Марс»? Добро бы еще древний бог войны с мечом и шлемом по самые уши, так нет же, другое на рисунке. Слева черно, вроде как безвоздушный эфир, справа же – Красная планета. Или курильщиков астрономии учить вздумали?

Кто-то из самых молодых предположил, что началась пропаганда будущих эфирных полетов. Вон, под самой Столицей село тоже Марс назвали, непроста это. Сегодня папиросы «Марс», завтра – «Советский Марс».

Посмеялись, конечно. Какой там Марс! Тут бы энергию электрическую в губернию провести. В этом Марсе, поди, до сих пор лучины в ходу. И товарищ Москвин посмеялся, шутку оценив. Действительно, до эфирных ли полетов сейчас?

⁶ Пожелание счастья и удачи (*идиши*).

* * *

Подробную справку о Тускуле Леониду довелось прочитать месяц назад, в середине июля. Случилось это неожиданно. Все утро он работал с настырными товарищами из военного наркомата. Освободившись лишь к полудню, завернул в комнату Техгруппы, чтобы выпить чаю и бежать по делам дальше. Но планы пришлось изменить – на столе ждала телефонограмма из Научно-технического отдела, в которой ему предписывалось «по прочтении сего» немедленно направиться на второй этаж желтого Сенатского корпуса в «секретную» комнату.

Товарищ Москвин ничуть не удивился и даже обрадовался редкой возможности отложить дела в сторону. Обождете, товарищи военные, все равно ваш «сонный газ» эксперты забраковали. В самой же «секретке» бывать приходилось неоднократно. Именовалась она «комнатой», но таковых там имелось целых три. В первой стояли два стола для посетителей, во второй размещались суровые хмурые сотрудники, весьма походившие на бывалых тюремных надзирателей, о третьей же комнате, дальней, спрашивать вообще не полагалось. Товарищ Москвин был несколько раз приглашаем за один из столов, дабы ознакомиться с очередной бюрократической тайной. Пока что все они не произвели на руководителя Техгруппы особого впечатления. Даже подборка документов по технологиям ТС показалась бывшему старшему оперуполномоченному не слишком удачно составленной «липой». Такое и в его прежнем ведомстве делали: все непонятные случаи сваливали в одну кучу, приписывая «неизвестной резидентуре неуточненной державы». А бумаги по Объекту № 1, спрятанному в горах Тибета, сразу же напомнили о Блюмочке и его дальних поездках. Болтливый Яшка поминал как-то этот «Объект», (он же монастырь Шекар-Гопм), весьма им восхищаясь.

Тоже мне, тайны!

На этот раз все было иначе. Секретчик-надзиратель, поглядев с плохо скрытой неприязнью, долго возился с бумагами, заставил подписать целых три бланка «о неразглашении» и отвел в третью, заветную комнату. Тогда-то и увидел Леонид аккуратно написанное чернилами слово «Тускула». Обычная папка желтого картона, черные тесемки-завязки, несколько затертых строчек поверх названия...

«...Одна из планет называется Тускула, и как раз туда вы сможете попасть довольно скоро. Кстати, представляюсь. Моя партийная кличка – Агасфер, но сейчас меня чаще называют Ив́ановым. Ударение на втором слоге, по-офицерски». Черная Тень, нашедшая его в расстрельном подвале, не солгала.

«Я не шпион и не марсианин, работаю в Совете народных комиссаров...» Обещанное исполнялось. На саму Тускулу, маленькую планету, очень похожую на Землю, пока не направили, но документы – вот они! И это не бульварный роман, не бред нанюхавшегося кокаина поэта.

Бумаги Леонид читал долго, стараясь побольше запомнить наизусть. А потом папкой занялся. Картон самый обыкновенный, а вот затертые строчки – уже интересно. Бывший старший уполномоченный включил стоящую на столе лампу, поднес папку поближе, повертел.

Строчек было три. Первая – число, вроде как седьмой месяц 1920-го. Ниже – два коротких понятных слова: «В архив» и подпись – несколько букв. Их затерли очень старательно, но Леониду показалось, что он все-таки угадал. «Иванов». Само собой, с ударением на втором слоге.

Все сходилось. «Одна из планет называется Тускула...». Тускула! Марс, говорите? Эфирные полеты? А «Пространственный Луч», чтобы на миллионы верст, слабо?

Щелкнула зажигалка. Леонид жадно вдохнул острый колючий дым, поглядел вниз, в черный, наполненный ночью двор. Прав Яшка, во всем прав! Не для чекиста Пантёлкина, не для налетчика Фартового кабинетная жизнь. Желтые папки, желтый портфель, чай с мятой и саха-

ром вприкуску, партсобрания, перекуры с обязательным обменом сплетнями... Две недели, много – три, и стреляться можно. Только не знает Блюмочка, что все это – дым, обманка, театральная бутафория вроде липового паспорта или накладных усов. «Есть иные миры и другие времена», – обещал ему большой любитель темноты товарищ Агасфер, он же Иванов, с ударением на втором слоге, по-офицерски. Не обманул – есть! Ему показали пока только краешек, что-то дальше будет? Пусть Яшка ездит по Персиям да Тибетам, пусть тайны древние ищет. Ищи, ищи, Блюмочка, вдруг и тебе повезет!

Вспомнилась байка про скрытую от глаз страну Агартху. Блюмкин, он настырный, и туда попадет. Ну и ладно, авось вправят мозги герою!

Леонид, поглядев в темное беззвездное небо, прикинул, в какой стороне может быть Тускула (его Тускула!), а потом вспомнил седого археолога, Арто-болевого Александра Александровича, с которым вместе у смертной стенки стояли. Ему бы про далекую планету рассказать! Только где он, седой? И жив ли вообще? Не у Блюмочки же, а лох ин коп, спрашивать!

Папираса, названная в честь Красной планеты, давно погасла, но товарищ Москвин даже внимания не обратил. Его считают везучим, и это правда. Но фарт не в том, чтобы просто выжить и сытую должность получить. Настоящее везение только начинается.

Держись, Фартовый!

5

– Псевдоним должен быть коротким, точным и загадочным. Для врага он – недоступная тайна, для своих же, посвященных – вроде боевой награды. Сотрудник обязан чувствовать гордость, услышав или прочитав свое рабочее имя. Итак, что вы для себя выбрали?

– Я еще немного подумаю, господин Чижигов.

Двое стояли у раскрытого окна, глядя в затопившую Столицу ночь. Света не зажигали. Курили.

– Не «господин» – «товарищ». Привыкайте и не ошибайтесь больше. В нашей стране, в Социалистическом Союзе Республик, господа имеют право находиться только в одном месте – в Соловецком лагере особого назначения.

– Знаю... Сам себе удивляюсь, госпо... товарищ Чижигов. Еще недавно я и подумать не мог о том, чтобы сотрудничать с кем-либо из большевистского руководства. Когда брат предложил, мне подумалось, что это глупая шутка. Помогать врагам – тем, кто все погубил и уничтожил!.. Врать и хвастать не буду, в Гражданскую с красными воевать не пришлось, но, поверьте, не по моей вине. Однако сказавши «алеф», придется говорить «бейт». Бывший юнкер Киевского пехотного Великого Князя Константина Константиновича военного училища ждет вашего приказа... Офицером стать не успел – ушел воевать с Петлюрой.

Тот, что был постарше, курил трубку – маленькую носогрейку на полдюжины затяжек. Его собеседник предпочитал папиросы «Ира». Затягивался глубоко, а перед тем как щелкнуть зажигалкой, сминал картонный мундштук гармошкой.

Пепельницу заменяла стоящая на подоконнике пустая консервная банка.

– Вы из Киева? Тогда должны помнить, как в августе 1919-го город пытался захватить атаман Струк. Он, кажется, дошел до Подола?

– Струк? Еще бы не помнить, товарищ Чижигов! Кто ждал Деникина, кто – Петлюру, а тут этот погромщик. Странно вспоминать, но мы с друзьями, товарищами по училищу, пошли в ваш, большевистский военный комиссариат и попросились на фронт. Как раз на Подол, там уже стреляли. Красные – враги, политические противники, Струк же – людоед, первобытный троглодит. Хуже марсиан мистера Уэлса!

За окном давно стемнело, горел лишь небольшой газовый фонарь. Острые тени рассекали размякший за день асфальт. Редкие прохожие, словно чего-то опасаясь, оглядывались, ускоряли шаг.

День был жарким, но и тьма не принесла прохлады.

– Вот потому вы и пришли, сначала в военный комиссариат, а теперь – сюда. Осенью 1917-го, когда шут Керенский уронил власть, страшна была даже не диктатура Корнилова. Мы в Центральном Комитете всерьез обсуждали возможность всеобщего анархического взрыва, новой пугачевщины, которая бы уничтожила остатки цивилизации в России. Троглодиты были уже готовы выйти из пещер, и никакой Корнилов, никакой Колчак с ними бы не справились. Мы – смогли. Не погубили, не уничтожили, а спасли то, что еще можно было спасти. Нас, большевиков, обвиняют в жестокости, в терроре, в реках пролитой крови. Пусть! В городах горит электричество, ходят трамваи, работают школы и больницы. Потом поймут, от чего мы уберегли страну. Вы пока еще не поняли, но почувствовали, потому и согласились помочь. Очень вовремя! Мы по-прежнему стоим на грани. Нынешнее руководство РКП(б) берет курс на длительный мир и торговлю с Западом. Но чем торговать? Зерном и сырьем, у нас больше ничего нет. Мы превратимся в аграрный придаток, и через десять лет нас легко схарчит какой-нибудь паршивый Муссолини. Но и это не самое страшное. Наши бояре из Политбюро болтают о «внутрипартийной демократии», а под шумок разваливают РКП(б). Дошло до того, что

некоторые товарищи пытаются проводить свою личную внешнюю политику. Одну из таких попыток вам и предстоит разъяснить... Итак, какой будет ваш псевдоним?

– Дарвалдай, товарищ Чижиков.

На столе стоял остывший чайник, пустые стаканы и маленькое блюдце с синей каймой. Тоже пустое – лежавший на нем сахар съели вприкуску. Каждому досталось по два маленьких кусочка. Хозяин хотел угостить гостя сухим красным вином, но тот не стал пить. Скаутский зарок нерушим. Он и так дал слабину, позволив себе закурить.

– «И колокольчик Дарвалдая...» Коротко, точно, загадочно... В детстве я плохо знал русский язык, и мне казалось, что Дарвалдай – это кузнец с огромными ручищами и щедрой душой, который дарит ямщикам колокольчики. Слово-тайна... Слушайте внимательно, товарищ Дарвалдай...

Глава 2

Главная Крепость

1

– Шинелька ваша, гражданка. Кровь вроде отстиралась, а уж зашьете сами. Оно не к спеху пока, жарынь на дворе. Август!

Служивому, что вещи выдавал, видать, было скучно, вот и язык распустил вопреки всем правилам. На себя, красивого, внимание обратить хотел, женский интерес привлечь.

Ольга Зотова взялась за сухое колючее сукно, взвалила шинель на плечо, поморщилась. Хлорка! Всюду она, вездесущая. И гимнастерка ею провоняла, и галифе, и она сама до самой стриженной макушки. На улицу не выйдешь – стыдно.

– Денежки, стало быть. Два червонца и полтинник серебром. Теперь распишитесь, гражданка Зотова. Здесь за вещи, а здесь – за червонцы ваши.

На бумажку, что ей подсунули, Ольга, даже не посмотрела.

– Оружие, – хрипло напомнила она, – «Маузер № 1». – И патроны, сколько осталось.

Служивый молча развел руками, но девушка не отставала.

– У меня разрешение есть, сами только что мне отдали вместе с документами. Про конфискацию решения не было, так что пистолет верните. А то не уйду!

И прямо в глаза начальничку взглянула. Тот, уже было открывший рот, дабы возмутиться (на волю выпускают, понимаешь, а она!..), сглотнул, немного подумал, а затем кивнул на некрашенный табурет.

– Присядьте пока, гражданка. Я позвоню.

Присела, шинель на коленях пристроив, отвернулась, чтобы на ряху тюремную не глядеть, и вновь от хлорного духа поморщилась. Про пистолет она, конечно, зря, только гонору ради. Едва ли вернут, не в здешних обычаях. Но и промолчать нельзя. Еще подумают, будто напугали, в мышь цвета шинельного превратили. Приоткрыли дверцу клетки, мышка и побежала с радостным писком, даже не оглянувшись.

Не дождутся!

Пока служивый разъяснял телефонной трубке, что «гражданка Зотова опять», девушка сидела недвижно, упершись взглядом в серую краску ближайшей стены, словно желая прожечь в ней дыру. Конвоир в светлой летней форме, которому еще предстояло вести ее к наружным воротам, томился рядом. Второй табурет имелся, но садиться – не по уставу. Ольга парня не жалела. Пусть стоит столбом, паек отслуживает. Не под пулями, поди, и не на сибирском морозе.

Ни о чем ином пока не думалось. Хлорка, серые стены, некрашеное дерево, морды протокольные... Вот на солнышко выйдет, вдохнет вольный воздух, тогда и о прочем порассуждать можно. Только пусть сперва оружие вернут.

– Говорит, что не уйдет! – повысили голос за спиной. – Да! Та, что драться лезла и в карцере дверь сломала. А вы ей сами скажите, товарищ Сидорчук. Лично объясните!

Зотова не удержалась, хмыкнула. Запомнят тут ее, бывшего замкомэска! А они что думали, крысы тюремные? Еще бы подержали, она бы и придушить кого-нибудь могла. Слабый здесь народец, жирком обросший. Таких только и давить!

Я гимназистка седьмого класса,
Пью самогонку вместо кваса!..

Ах, шарабан мой, американка.
А я девчонка, я шарлатанка!

– Не положено! – заученно буркнул конвоир, но девушка только улыбнулась.

С одним корнетом я целовалась,
В «щеке» пропал он, какая жалость!..

– Гражданка Зотова!

На этот раз воззвали сзади. Ольга неторопливо встала, повернувшись строго через левое плечо, и вновь не удержалась от усмешки. Маузер уже лежал на деревянной стойке, а рядом пристроилась пачка патронов.

– Вот! Только расписаться не забудьте...

* * *

Тюрьма была уже третьей, если с госпиталем считать, тоже тюремным. Там только лечили, лишь протокол составили после первой перевязки. Во второй, внутренней ГПУ, начались допросы, уже без всяких послаблений. Бить не били, но всего прочего было вдосталь. Ольга прочно обжила карцер, научившись обходиться кружкой воды в день и, что оказалось куда труднее, не реагировать на запах хлорки.

На вопросы не отвечала, протоколы не подписывала. В кабинете следователя молчала, зато в камере, в перерывах между карцером, тешила душу, доводя выдававших виды надзирателей до синюшного цвета.

А на душе было пусто и горько. Первые дни еще надеялась, что помогут, вступятся. Если не сам товарищ Ким, то хотя бы знакомые из военного наркомата, здорово выручившие ее в прошлый раз, после стрельбы на коммунальной кухне. Затем поняла, что не тот ныне случай – и тюрьма другая. «Не жди, не бойся, не проси» – не ею придумано.

Потом – авто с зашторенными окнами и третье узилище. Одиночка, пять шагов на три, железная дверь, окошко в решетках под самым потолком. Допросы кончились, карцер остался. Время сомкнулось, мир окрасился серым, надеяться стало не на что. Но как-то после очередной отсидки в карцере принесли передачу – незнакомые конфеты в ярких обертках, кусок сыра, искромсанный на мелкие кусочки, полфунта настоящего индийского чая и столько же махорки, самой лучшей, тамбовской.

Хватило сил – не разревелась. Спросила от кого, не ответили.

Передачи приносили еще дважды. После второй Ольга впервые за эти месяцы улыбнулась. Наверно, из-за того, что среди прочего в узелке оказалась пачка печенья. Местные товарищи, бдительность проявив, вскрыли упаковку и небось каждое печенье обнюхали. Но ничего, не зажилили все же.

Бывший замкомэск поглядела на картинку, что упаковку украшала, печенье раскусила – и поняла, что не пропадет. И уже не горько на душе было, иначе совсем.

И вот, наконец, железные ворота, калитка сбоку врезана, возле калитки еще один в светлой форме при трехлинейке скушает.

– Не имеете ли, гражданка, что-либо заявить перед тем, как... – начал было сопровождающий, но девушка слушать не стала. Шинель поудобнее на плече пристроила, через калитку шагнула. Зажмурилась, подождала немного, открыла глаза.

Простор. Лето. Свобода...

Слева – неширокая улица, дома в два этажа, красный кирпич, зеленые палисадники. Скучный извозчик-ванька при худой кобыле, дальше еще один, за ним – темное авто, вроде как американский «Форд».

Направо...

– Здравствуйте, барышня!

– Значит, все-таки барышней звать решили, товарищ Соломатин, – не оглядываясь, констатировала бывший замкомэск. – А с конфетами вы здорово придумали. Кооператив «Свободный труд», Шатурский уезд – где Сеньгаозеро. Я сразу поняла. Неужто специально в Шатуру ездили?

Потом все-таки обернулась. В прошлую их встречу Достань Воробышка щеголял в прорезиненном плаще и английском кепи. На этот раз интеллигент вырядился в светлый костюм при сером галстуке и легкомысленной шляпе-стетсоне. Этакая непролетарского вида сажень. На загорелом лице – улыбка, глаза тоже веселые...

– И с махоркой – это вы тоже хорошо, – прохрипела Зотова и внезапно всхлипнула. Закрыла ладонью рот, зажмурилась.

Бесполезная шинель с легким шорохом упала на землю, как раз между высоким и стриженной.

– Н-не, не смотрите на меня!

Ольга отвернулась, достала из кармана галифе пропахший хлоркой платок, долго терла лицо. Наконец опустила руку, заставила себя улыбнуться.

– Вот такая я, товарищ Соломатин, психованная, я вас уже предупреждала... Что встретили – спасибо, и за передачи, само собой, и... Родион Геннадьевич, там было печенье «Наташа». Это... Случайность просто?

Ученый сжал губы, поглядел куда-то назад.

– Потом... Вытрите глаза и повернитесь.

Замкомэск глубоко вздохнула, на миг прикрыв веки... Рано она нюни распустила. К бою, товарищ замкомэск!

– Поняла.

Мелькнул и сгинул платок. Девушка расправила плечи. Кру-гом!

Сначала она заметила авто. Черный «Форд» тормозил, причаливая всего в нескольких метрах от места, где они стояли. Задняя дверца открылась, оттуда высунулась трость, постучала по булыжнику... Девушка прикинула, что арестовывать прямо у тюремных ворот, пожалуй, не станут, да и авто выглядело излишне штатским. На таких невеликое «начальство» да нэпманы средней руки раскатывают.

Вслед за тростью появился ее владелец. Теперь следовало удивиться. Трость новая, с костяными накладками, а костюм, темный в полосочку, определенно с барахолки, что у Сухаревой башни. Брюки на коленях обвисли, на левом локте – заплата. Стрижка пролетарская, под ежа, сандалии белые, из самых дешевых, на поясе – желтая кобура.

Годами молод, едва ли Ольги старше. Лик татарский, хмурый.

– Стало быть, здрастье вам, граждане!..

Дверцу захлопнул, шагнул вперед, тростью себе помогая, затем взглядом острым окинул, словно шилом царапнул.

– Товарищ Зотова, как я понимаю?

Девушка шагнула вперед.

– Я – Зотова!

Внезапно парень улыбнулся.

– А про меня ты, поди, слыхала. Касимов я, Василий Сергееч.

Хватило секунды. Бывший замкомэск удивленно моргнула.

– Вы же в музее работаете? В бывшем Цветаевском?

Владелец трости вновь усмехнулся.

– И это было! Только давай сразу на «ты», все-таки не баре, а партийные, можно сказать – соратники. Сейчас я тебя, товарищ Зотова, удивлю. Во, гляди, а я пока с товарищем профессором поздороваюсь...

Знакомая восковая бумага. И гриф наверху памятный, не спутаешь: «Российская Коммунистическая партия (большевиков). Центральный Комитет».

– Товарищ Касимов!..

Тот как раз в этот миг руку ученому пожимал, не просто так, а с немалым чувством.

– Сейчас, товарищ Зотова. Я ведь товарища профессора помню, он к нам в музей два раза приезжал лекции читать. Как первая называется, запомятовал, а вторую помню: «Современный взгляд на материалы из курганных раскопок графа Уварова». Про эти... Скороборские курганы, правильно?

– Именно так! – охотно подтвердил Достань Воробышка. – Молодой человек... То есть, простите, товарищ Касимов, честно скажу, вы не Ольгу, вы меня удивили. Действительно, читал. Меня пригласил мой давний знакомый, господин Игнатишин. После лекции мы с ним крупно поспорили, но не по поводу курганов, а в связи с мифологическим представлением автохтонов Русской равнины. Бедняга всюду искал свою Агартху...

Зотова хотела переспросить, но вовремя сдержалась. Агартха... «Мадмуазель Агата Рисурс», – пошутил когда-то Воропаев.

– Товарищ Касимов! – не выдержала девушка. – Если ты сейчас в Техгруппе, то знать должен... Сотрудники, что вместе со мной работали, Семен Тулак и Воропаев Виктор. Что с ними?

Тот взглянул странно, покачал головой:

– Не спрашивай о них, товарищ Зотова. Ни меня, ни других тоже, особенно же тех, что из начальства. Не ответят!.. Как в песне известной: служили два товарища – и ага. Сама их искать не пытайся...

Подумал немного, трость в руке покрутил.

– Без меня, понятно... Ладно, товарищи, я вам вроде как разговор перебил. Так что пока в авто подожду, а вы мнениями обменяйтесь, сколько требуется. Потом прошу в машину, развезу, кому куда надо. Зря я, что ли, в гараже ЦК «Форд» вытребовал? И шинельку, товарищ Зотова, подберите, чего ей без толку на земле валяться?

Хлопнула черная дверца. Ольга и Достань Воробышка переглянулись.

– Бросили ребят, значит, – шевельнула сухими губами Зотова. – Сволота паскудная...

– Не волнуйтесь так, Ольга, – негромко проговорил Родион Геннадьевич. – И не ругайтесь, прошу, не идет вам. Творится что-то и вправду мерзкое, но не все так плохо. Товарищ Тулак жив-здоров и вам привет передает. Он-то мне про вас и рассказал. А насчет печенья, о котором вы спросить изволили...

– Да! – спохватилась девушка. – «Наташа» которое.

Ученый усмехнулся.

– Целый день по магазинам ходил, дабы нужное отыскать, да-с. К счастью, новая экономическая политика не подвела, нашел, причем чуть ли не в самом центре, в Китай-городе. История же эта вполне достойна столь модных ныне шпионских романов. Получаю я как-то телеграмму содержания самого невинного. Некий доброжелатель очень интересуется вашим, барышня, здоровьем...

– Обратный адрес «Ростов. Проездом»? – сообразила девушка.

...Дмитрий Ильич!

Достань Воробышка покачал головой.

– Отнюдь. Не Ростов, а Харьков, но действительно «проездом». А потом меня посетил помянутый только что товарищ Тулак...

2

Как и всякий привыкший к табаку человек, Леонид всегда начинал любое дело с перекура, тем паче дело не слишком приятное. Уложив запечатанный, весь в синих штемпелях и сургуче, пакет в желтый портфель, он завернул в узкий закуток Сенатского корпуса, где обычно собирались курильщики. Слева стена, справа стена, и впереди она же. Никто не увидит, никто не станет объяснять про каплю никотина, убивающую бедную лошадь. Заодно и словом переболвиться можно. Стены толстые, окна высоко.

На этот раз в закутке было абсолютно пусто, если не считать старого пожарного ящика, заменявшего урну. Товарищ Москвин поставил портфель на землю, достал пачку «Марса». Негромко щелкнула сработавшая из австрийского патрона зажигалка.

Идти в Большой Дом совершенно не хотелось. Леонид понимал, что ничего плохого с ним, работником аппарата ЦК, не случится. Номенклатуру Центрального Комитета гэнэушники старались не трогать, не их калибр. А на всякий пожарный товарищ Москвин оставил записку на имя прямого и непосредственного начальника. Если не вернется к концу рабочего дня, бумага ляжет на стол товарища Кима. Беспокоиться не о чем... Если бы приглашал не Блюмочка!..

– Кукушка лесовая нам годы говорит, – негромким шепотом сорвалось с губ.

Табак горчил...

А вечером придется идти на Тишинку. Леонид уже прикидывал, не взять ли с собой кого-нибудь из группы для подстраховки, но потом решил: не стоит. Его это дело, личное и персональное, вроде цыганочки с выходом. Товарищу Москвину незачем мешаться в дела бандита Фартового.

– Не помешаю, товарищ?

Леонид обернулся. Еще один курец – с желтой пачкой старорежимных папирос «Salve»! Где только достает?

– Нет, конечно...

Ответил, не думая, и только после сообразил. Папиросы «Salve», светло-зеленый френч с большими накладными карманами, аккуратно подстриженная борода, очки в золотой оправе, немецкая электрическая зажигалка – подарок от Коминтерна.

– Здравствуйте, товарищ Каменев!

– Товарищ Москвин? Здравствуйте, Леонид Семенович! Ну как там ваши вечные двигатели?

Все мы люди, все человеки. Лев Борисович Каменев, член Политбюро и секретарь ЦК РКП(б), тоже был курильщиком с многолетним стажем. Табаки предпочитал турецкие, коллекционировал зажигалки. Поговаривали, что именно он не позволил ретивым борцам с никотином полностью запретить курение в Главной Крепости.

Курильщики им гордились. Наш человек!

– Вечные двигатели, Лев Борисович, в ассортименте, – бодро отрапортовал руководитель Технической группы при Научпромотделе. – Много ерунды присылают, это правда. Но, знаете, иногда интересное попадает, хоть фильму снимай. Недавно один товарищ прислал письмо про Землю Санникова...

– Вот как? – Густые брови секретаря ЦК взлетели вверх. – Крайне любопытно! И что именно сей товарищ написал? Если, конечно, это не государственная тайна.

Леонид еле заметно улыбнулся.

– У вас, Лев Борисович, допуск есть. Письмо написал товарищ Расторгуев – тот самый, что в экспедиции барона Толя участвовал, а потом с врагом трудового народа Колчаком этого

барона искал. Тогда и решили, что никакой Земли Санникова нет, мираж это все и обман зрения. Но товарищ Расторгуев Колчаку не поверил и решил еще раз там побывать...

Байку про бдительного Расторгуева и загадочную землю за Полярным кругом товарищ Москвин держал про запас – именно на такой случай. В последнее время о Техгруппе начали слишком много болтать. Следствием стало то, что «начальство», высокое и не очень, при каждом удобном и неудобном случае осведомлялось: как, мол, дела технические? Вечный двигатель поминали чаще всего, Машину Времени и эфирный планетомобиль – реже.

Леонид откровенничать ни с кем не собирался. В запасе у него имелось несколько подходящих историй, среди которых Земля Санникова была, пожалуй, самой интересной. Как раз для товарища Каменева.

* * *

В Главной Крепости Столицы товарищ Москвин чувствовал себя новичком, новобранцем, впервые попавшем в полк. С одной стороны, это плохо и неудобно. Приходилось осторожничать, следя чуть ли не за каждым словом. И, само собой, аккуратно собирать факты, один к одному, словно пустые гильзы на стрельбище. Но была и хорошая сторона: свежий взгляд порой позволял увидеть то, что многоопытные ветераны не замечали в упор.

Первое, что ощутил Леонид, попав в Главную Крепость, – это всеобщее чувство облегчения, словно сотни больших и малых функционеров разом выдохнули застоявшийся в легких воздух. Неспроста! Всю зиму и весь март ждали беды. Из Горок, где лежал больной Вождь, глухо доносились неутешительные вести, а в самой Столице вожди поменьше готовились к решительной драке за власть. Особенно боялись Троцкого – Лев Революции, потерпев поражение на двух последних съездах, был готов решить дело силой. Ему мог противостоять только Генсек, но и о Сталине говорили разное. По рукам ходили засекреченные письма Вождя и совсем странные документы: то ли пророчества неведомых красных Нострадамусов, то ли страницы из фантастических романов о грядущей сталинской диктатуре. В любом случае, Грядущее казалось грозным и неясным. Ждали беды.

Все изменилось в начале апреля, как раз в те дни, когда товарищ Москвин принял Техгруппу – пустую комнату с пустыми кружками на подоконнике и сухой мятой в консервной банке. Вождь вернулся – без всякого шума и парада, просто приехал на работу. Как раз накануне «Правда» сообщила об отставке Генсека Сталина «по состоянию здоровья и в связи с переходом на другую работу». А еще через неделю собрался очередной партийный съезд⁷.

На самом съезде Леонид не был, заглянув по гостевому билету лишь в последний день – речь Вождя послушать. Ему вполне хватило разговоров. Все, от умудренных жизнью ветеранов до партийцев последнего призыва, радостно улыбались, повторяя одно и то же: «Все хорошо, все как прежде!» Добавили бы и «Слава богу!», да по чину не полагалось. Конечно, «как прежде» не получилось, достаточно было заглянуть на первую страницу «Правды». Вождь не выступил с докладом, почти не участвовал в прениях, да и присутствовал лишь на половине заседаний. Но не это казалось важным. Главное, что вражьи пророчества не сбылись, – кому на радость, кому на горе. Раскола не случилось, Красные Скорпионы, так и не вступив в смертельную схватку, обернулись старыми друзьями и товарищами по партии. Троцкий рукоплескал Зиновьеву, Каменев поддерживал резолюцию Бухарина. Вместе осудили национал-уклонизм, объединили ЦКК и РКИ и защитили монополию внешней торговли. Тот, кто был понаивнее,

⁷ В нашей истории съезд проходил несколько позже (с 17 апреля по 25 апреля 1923 г.). Автор напоминает, что «Око Силы» – произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с истинной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер.

посчитал это следствием общей радости по поводу выздоровления любимого Вождя, циники же, усмехаясь, называли случившееся «поминками по Генсеку». Год сталинского секретарства вспоминался теперь как дурной сон.

«Личность партии нужна, – строго заметил в своем докладе товарищ Ким. – А культ личности – нет!»

Самого товарища Сталина на съезде не было, но и его не обидели – оставили в Политбюро, вернув знакомый по прежней работе «национальный» наркомат. «Не все Троцкому радость», – ухмылялись все понимающие циники. В Центральном Комитете любили и умели взвешивать...

Вождь выступил в последний день съезда, уже после выборов ЦК. Говорил недолго, минут двадцать. Леонид слушал – и удивлялся. Мысль Предсовнаркома парила в невероятных высях: Мировая революция, освободительное движение колониальных наций, как союзник пролетариата, неизбежный кризис империализма, который уже этой осенью непременно разразится новым взрывом восстаний и революций... В конце речи, под бурные овации, Вождь предложил дополнить известный лозунг Маркса про «пролетариев всех стран» словами про их, пролетариев, новых союзников.

Итак, пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь! Леонид недоумевал и честно пытался понять. Угнетенные народы далеко, а со страной как быть? Неужели Вождь со своих горных высей ничего не замечает?

Не удержался – спросил у одного подозрительного ветерана с козлиной меньшевистской бородкой. Тот, сверкнув золотыми дужками пенсне, снисходительно пояснил: все идет как должно. Задача Вождя – выстроить работающий механизм. Это сделано, причем быстро и успешно. Вот он, работающий, на полном, можно сказать, ходу. Вождь же имеет теперь не только право, но и обязанность смотреть далеко вперед, на годы, на века!

Услыхав такое, товарищ Москвин лишь сглотнул, козлобородый же, усмехнувшись, добавил, что ход с назначением Генсека вообще гениален. Сталин напугал всех, надолго отбив у смутьянов охоту ломать единство партии. Потому-то «кавказского человека» и оставили в Политбюро, вроде как волкодава в будке.

Действительно, о новом Генсеке никто и не заикнулся. Выбрали секретарскую «тройку». Товарищ Сокольников, отец советского червонца – главный по части хозяйственной, товарищ Ким – по делам аппаратным, любитель же турецких табаков товарищ Каменев – над ними старший. И никаких «генеральных», никаких «культов личности». Как верно указал пролетарский классик Евгений Потье: «Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой».

С тем делегаты разъехались. Теперь в стенах Главной Крепости царили великая тишина и в партийных человецах благоволение. Вождь отъехал на юг, в Закавказскую Федерацию, дабы поучить местных товарищей уму-разуму и заодно укрепить здоровье, в Столице же дела делались неспешно, основательно и строго по уставу. Товарищ Каменев всем нравился, всех устраивал, включая и Льва Революции, женатого на его сестре. «Это – пока!» – каркали скептики, но те, что поумнее, в сомнении качали головами: «Как бы не надолго!» Партийная верхушка, уставшая от дрызг и тревожных ожиданий, была готова защищать обретенный покой со всей серьезностью. В курилках острили: «А кто над нашим миролюбием надсмеется, тот кровавыми слезами обольется!»

Товарищ Москвин ни с кем не спорил и своего мнения не высказывал. Присматривался ко всему, улыбался, на ус мотал. Против Льва Борисовича он тоже ничего не имел. Однако за широкой спиной любителя «Salve» неприметно густела тень его младшего коллеги по секретарской «тройке», скромного и обаятельного товарища Кима...

* * *

– Весьма логично! – одобрил товарищ Каменев, доставая из желтой пачки вторую папиросу. – Значит, говорите, вулкан? Отсюда и постоянный туман, и опускание морского дна? Не знаю, как в реальности, но для научной теории – очень дельно. Так отчего же не послать на Таймыр экспедицию? Кто мешает?

Леонид еле сдержался, чтобы не поморщиться. Человеку сказку рассказали, а он виновных требует! Назвать? Экспедицию запретил товарищ Троцкий, поименовавший в своей резолюции Землю Санникова «романтической химерой».

– Пошлют когда-нибудь, – осторожно заметил он. – Но средств мало, военные хотят вначале закрепиться на острове Врангеля, чтобы туда не высадились американцы. А на Таймыр экспедицию собирается Академия наук организовать, как только деньги появятся. Заодно и Землю Санникова поищут.

Секретарь ЦК энергично кивнул, одобряя такое решение. Товарищ Москвин не стал уточнять, что у академии нет средств не только на экспедиции, но и на немногие работающие институты. Зачем усугублять? Товарищ Каменев и без него это прекрасно знает.

– Кстати! – Рука с незажженной папиросой протянулась вперед. – Хорошо, что мы встретились, Леонид Семенович. Я уж думал вам сегодня звонить.

Товарищ Москвин так не считал, ибо начальственное «кстати» всегда было очень некстати. Но виду, естественно, не подал.

– В моем секретариате жалуются. Ваши документы, то есть документы Техгруппы, приходится перепечатывать. У вас там не слишком, как бы помягче сказать, внимательная ремингтонистка.

Леонид мысленно ругнул безграмотного товарища Касимова, а заодно и себя – за излишнюю мягкотелость. Надо было сразу же усадить парня за учебник, причем в приказном порядке и с проверкой результатов.

– Так точно, Лев Борисович, есть такой грех.

– Не беда! – Папироса теперь была нацелена прямо в нос собеседника. – Я бы мог с этим помочь. У меня на примете есть один товарищ. Партийный, ветеран войны, курсы ремингтонистов закончил. И с грамотностью все в порядке, семь классов гимназии.

А вот это уже было плохо, даже очень. Товарищ Ким предупредил сразу: никакой кадровой инициативы. Состав Техгруппы определяет Научпромотдел, «варягов», откуда бы они ни появились, нельзя подпускать и близко. Леонид, вспомнив пустую комнату и банку с сушеной мятой на подоконнике, отнесся к предупреждению со всей серьезностью.

– Понимаю, – товарищ Каменев опустил папиросу, взглянул прямо в глаза. – Вы подчиняетесь Киму Петровичу, а я пытаюсь действовать через его голову. Обязательно поговорю с ним, но хотелось бы знать и ваше мнение.

– Вы поговорите с товарищем Кимом, – вздохнул Леонид. – Тогда и у меня мнение появится. К тому же свободных единиц в Техгруппе нет, все заполнено.

Каменев наконец-то закурил. Сделал несколько затяжек, поглядел куда-то в сторону.

– У меня в этом свой интерес, Леонид Семенович. К моей супруге обратились очень хорошие люди. Не тот случай, чтобы отказать...

Товарищ Москвин не стал спорить, но почувствовал себя совсем кисло. Ольга Давидовна, супруга уважаемого Льва Борисова, – сестра товарища Троцкого. Это кого же им в группу желают пристроить?

«Внедрить», – поправил себя бывший чекист. Ремингтонист – единственный, кто знает в группе всё и обо всех. Даже руководитель может не вникать в какие-то мелочи.

– К тому же этот сотрудник, точнее она, Ольга Зотова, уже работала в Технической группе, имеет, так сказать, опыт. У нее трудная судьба. Было бы неправильно не помочь товарищу по партии...

Ольга Зотова, худая девушка в старой шинели... «А вы, гражданин Пантёлкин, Бога видели?» Леонид понял, что придется задержаться. Подождут его в Большом Доме, авось, от слез не раскиснут. Надо обязательно зайти к товарищу Киму, если же его не будет, оставить записку, но не у секретаря, а прямо на рабочем столе...

* * *

– Не пойму я тебя, Фартовый! Других понимаю, тебя – нет. А если не могу человека понять, то и верить ему трудно. Не обижайся, Леонид, правду говорю.

Чистая русская речь. Сергей Панов, бывший студент Петроградской технологички, из принципа не употребляет феню. Когда слышит, морщится, словно от дурного запаха.

– Если бы не Гриша Пантюхин, я бы с тобой работать не стал. Ну сам посуди, Леонид! То, что ты чекист бывший, понятно и объяснимо. Большевики – и есть банда. Как изволит выражаться ваш Вождь: «Грабь награбленное!» Но бандитов я знаю, у них инстинкт самосохранения на первом месте, иначе не выжить. Отбор строго по мистеру Дарвину...

Панов – дальний родственник профессора Таганцева. Всю семью арестовали в 1921-м, отец и дядя расстреляны, сестры сгинули в лагерях где-то на Печоре. Сергей бежал с этапа, убив двух конвоиров.

С Пантюхиным проще. Обычный «деловой», до жизни жадный, неглупый, но без лишних идей, дальше своего конопатого носа ничего не видит. Давно бы погорел, если бы не Сергей. Этот грабит, словно в шахматы играет. Не успел Серега Пан к Колчаку и Деникину, вот и отводит душу. Тех, кто в форме, не щадит никогда.

– У тебя, Фартовый, смертный приговор, исключительная мера, ты из «Крестов», из расстрельной камеры бежал. Так почему до сих пор в Питере? Если за кордон не хочешь, то мало ли городов на Руси? Или жизни тебе не жалко – и своей, и нашей?

Ответить есть чего, операцию неглупые люди готовили, и основная легенда имеется, и запасная. Но поверит ли Пан? Ошибиться нельзя, это не фронт, здесь в спину стреляют.

Обоих Панов, Сергея и Гришу, Пантёлкин своим не сдавал, хоть и опасно с ними было. Каждый полководец должен иметь резерв на самый-самый случай. Если придется с боем из города прорываться – или даже, чем черт не шутит, уходить за близкий финский кордон. Для такого дела простая шпана не подойдет.

– Только дураку жизни не жалко, – ответил бандит Фартовый бандиту Пану. – Но здесь игра крупная идет, крупнее, чем кажется. Не сам я из ВЧК ушел, погорел на жадности, на больших деньгах. Но друзья меня не забывают, вместе работаем. Транспортный отдел ГПУ, тот, что всей «железкой» ведает, – слыхал? Там у меня не просто наводчик – «крыша», да такая, что всякой шапки-невидимки лучше. Если будем вместе, и на вас с Гришей этой шапки хватит. В Питере засиживаться не станем, я уже давно окошко на кордоне присмотрел...

Гришка Пан погиб в квартире на Можайской, нарвавшись на засаду. Именно его голову ребята из уголовной бригады бросили в банку со спиртом. С Пантёлкиным они и вправду были похожи, если конопатый нос в расчет не брать.

Сергея Панова Леонид убил сам – двумя выстрелами в спину.

3

Сопровождающий – черные бархатные петлицы, темно-зеленые «разговоры» на новенькой гимнастерке – поглядывал с интересом, явно порываясь о чем-то спросить. Дисциплина превозмогла, до нужного кабинета на третьем этаже Большого Дома они дошли молча, после чего парень кивнул на ничем не приметную дверь без таблички:

– Сюда, товарищ Москвин. Вас ждут.

Затем быстро огляделся, убедившись, что коридор пуст, и еле заметно дрогнул губами:

– Я вас в Питере ловил, товарищ Пантелеев. Ну вы и сильны! Здорово!..

Щелкнул каблуками – четко, по-гвардейски, улыбнулся. Леонид подмигнул в ответ, взялся за сияющую чищенной медью дверную ручку...

Прошлое не отпускало. Чужая фамилия, чужие документы, и город чужой... Все равно найдется свидетель, всех не застрелишь. Кто ждет его за этой дверью? И кого ждет? Чекиста Пантёлкина? Бандита Пантелеева? Или бюрократа Москвина, явившегося с очередной пачкой писем про белогвардейские клады?

Обычно подобную ерунду на Лубянку доставляли курьеры. Однако на этот раз бдительные граждане проявили активность, писем за неделю накопилось с полторы дюжины, и руководитель Техгруппы взялся лично доставить их по назначению. Чем не повод для визита?

– Разрешите?

Прежде чем услышать радостное: «Заходи, значит!», Леонид почуял сквозь приоткрытую дверь необычный редкий запах. Кофе! И, кажется, не самый плохой.

– Заходи, заходи, товарищ Пантёлкин. А я уже и кофий налил. Как, значит, с поста охраны позвонили, так я сразу...

Знакомый кофейник в окружении фаянсовых чашек, хилый очкарик с елеинной улыбкой при темно-зеленых петлицах. И «значит» через слово. Если все вместе сложить...

– Обознался, товарищ Петров. Пантёлкина знать не знаю, а сам я Москвин...

Очкарик, радостно рассмеявшись, протянул худую ладошку, на стул кивнул:

– И ты, значит, обознался. Я такой же Петров, как и ты Пантёлкин. Служба у нас, значит, особая, фамилии меняем, как буржуи перчатки. Садись, садись, сейчас мы, значит, кофеичку...

Кофе и на этот раз оказался неплох, со всем же прочим ясности не было. Принесенные бумажки Петров даже смотреть не стал. Расписавшись на конверте, в ящик стола кинул и пальчиками в воздухе пошевелил. Мол, не за этой чепухой кликали.

Наконец кофе был выпит. Чашки легко ударили донцами о некрашенный стол.

– Зачем вызвали-то? – поинтересовался бывший старший уполномоченный.

– Не вызвали, товарищ, значит, Москвин, – очки радостно блеснули. – Не вызвали, а пригласили, причем в личной персональной форме. А ты не задумался, почему так? Почему, значит, не с конвоем?

Любитель кофе ждал ответа, но товарищ Москвин решил не подыгрывать и просто промолчал. Петров засопел, поерзал на стуле.

– Скучный ты сегодня, товарищ Пан... э-э-э... товарищ Москвин.

– Значит, – не стал спорить Леонид.

Петров, подумав, приоткрыл ящик. На стол упала бумажка о трех лиловых печатях.

– Значит... Ну тогда распишись – за секретность и неразглашение.

Вслед за бумажкой на столе появилась папка, не слишком толстая, но тоже с печатью, правда, всего одной, поверх белой наклейки.

– Читай. Торопить не стану, но учти, больше этих бумаг ты не увидишь, так что пользуйся возможностью. А я пока еще кофе заварю... Уже сообразил, чего это?

Леонид, открыв папку, пробежался взглядом по первым строчкам.

– Решение коллегии Госполитуправления при НКВД РСФСР по результатам операции «Фартовый»... Мне бы это перед расстрелом увидеть!

Петров хихикнул, но комментировать не стал.

Читать пришлось долго, сначала один раз, после и второй, от «шапки» с грозными грифами на первой странице до столь же грозных подписей под последней строчкой. От абзаца к абзацу, словно от одной питерской подворотни до следующей. Маузер «номер два» зажат в потной ладони, чужие пули жужжат над самым ухом, рикошетят от кирпичных стен, а впереди нет ничего, кроме страшной пропасти, виденной в кошмарных снах. «Тогу богу» – «пусто-пустынно», ни дна ни покрывши.

...Эх, яблочко, да все мерещится, а Фартового башка в спирте плещется!..

Безотказный Петров подливал кофе. Третью чашку Леонид допить не смог. Слишком горько.

– Признать крупной политической ошибкой... – наконец вздохнул он, откладывая папку в сторону. – Не удивили, это я и раньше знал, можно было и не расписываться! Хорошо хоть семье Варшувевича пенсию назначили, у него детей двое.

Встал, поискал глазами портфель, к двери повернулся.

– Да погоди ты, значит! – Петров был уже рядом, преграждая путь. – Ты чего, товарищ Москвин, читаешь плохо? Главное! Главное в чем? А в том, что... Как там это, значит? Непосредственных исполнителей признать, это самое, свободными от ответственности и восстановить в прежних должностях! Тебе же полная амнистия выходит!..

– ...И орден матери комиссара Гаврикова отдадут, – не стал спорить Леонид. – А по чьей вине все покатилося? Этих самых «непосредственных»? Кто результаты требовал, запрещал операцию сворачивать? Кто ребят под пули подставил? Не отвечай, Петров, я и без тебя ответы знаю.

– А мы тебя сюда пригласили не для того, чтобы на вопросы, значит, отвечать, товарищ Москвин!

Петров стер ненужную улыбочку с лица, блеснул окулярами.

– Не ценишь ты, вижу, человеческий подход. А зря! Думаешь, твои новые дружки в ЦК тебя бы защитили? Да за один побег знаешь что полагается? А у тебя побегов два, и между прочим, с трупами. Ты чего, Блюмкиным себя вообразил? Так и до Блюмкина доберемся, приговор ему никто, значит, не отменял, как и тебе, кстати...

– Отставить!

...Как открылась дверь, никто не услышал. Не иначе, петли правильно смазали.

Петров замер, как и был, с открытым ртом, затем начал медленно пятиться. Тот, кто стоял на пороге, еле заметно скривился.

– Так и знал, что нормально поговорить не сможете. Талант у вас, товарищ Петров!

Темно-синяя гимнастерка, белый металл в петлицах, ромбы на рукаве, широкие галифе, мягкий блеск дорогих яловых сапог.

– Идите, Петров, охладитесь слегка.

Любитель кофе согласно кивнул, заскользил по-над стеночкой. Мягко и неслышно закрылась дверь.

– Я отвечу на ваш вопрос, товарищ Москвин. Садитесь!

...Худой, уши слегка оттопырены, нос длинный, нижняя губа самая обычная, верхняя очень тонкая. Мягкая южная речь.

Садиться Леонид не спешил. Подождал, пока нежданный гость пройдет к столу, проводил взглядом, пытаясь вспомнить, когда они виделись в последний раз. Кажется, осенью 1918-го, на день пролетарской революции. Председатель Чрезвычайной Комиссии Союза коммун Северной области выступал перед вернувшимися с фронта сотрудниками. А потом они вместе пили морковный чай.

– Ах да! – вошедший коротко улыбнулся. – Не поздоровался. Здравствуйте, товарищ Москвин!.. Кто вам такую фамилию выдумал? Не Блюмкин, надеюсь?

Бывший старший уполномоченный пожал плечами:

– Фамилия в документах уже стояла. Взяли комплект из сейфа – и мне выдали. А чем плоха? Не слишком приметная, но красивая... Здравствуйте, товарищ Бокий!..

...Он же Кузьма, он же Максим Иванович, или просто Иванович, член коллегии ГПУ, глава Специального отдела, ценитель мистических тайн, ученик известного теософа Павла Васильевича Мокиевского. Тот, кому нужна недоступная страна Агартха.

«Его имя – Глеб. Блюстителю мира слышал наши слова и знает, кто их произнес!»

– Фамилия неплоха, – Бокий коротко улыбнулся. – Мы обратили внимание, что с осени 1917 года в аппарате ЦК обязательно работает какой-нибудь Москвин. Причем только в одном случае, первом, он был действительно таковым, остальным, как и вам, выдали новые документы. Может, эта фамилия – вроде талисмана? Что ни говори, а странно.

Спорить не приходилось.

– Теперь отвечаю на ваш вопрос, товарищ Москвин...

Улыбка исчезла, темные глаза смотрели сурово и строго.

– Вы в Чрезвычайной Комиссии практически с первого дня, так что не притворяйтесь наивным. После марта 1918-го, когда руководство покинуло Питер, начался раздрай между вашими местными чекистами и Столичным аппаратом. Надеюсь, вы помните, как убили Урицкого. Тогда Феликс пошел напролом, его противники в ЦК, объединившись с Петерсом и питерцами, не оставили бы от этого шляхетского зазнайки даже костей...

Леонид вздрогнул. Обо всем этом он знал, но впервые такое произносилось вслух. И где, в каких стенах! Впрочем, Бокий – сам из питерских, с покойным Урицким они, кажется, дружили.

– Когда в Столице узнали про операцию «Фартовый», то решили ее использовать сразу в нескольких целях. Прежде всего, удар по Зиновьеву, по его питерской партийной вотчине. Затем – компрометация головки местного ГПУ, как конечная цель, замена ее своими людьми. Была еще одна задача: проверить на практике некоторые наработки по партизанской войне в крупных городах. Представьте, что такой Фартовый появился в Варшаве или Париже. Крайними же должны были оказаться не только питерские товарищи, но и кое-кто в Столице, из числа противников тогдашнего Генерального. Про исполнителей и речи не шло – никто не должен был уцелеть. Кстати, именно это значилось в первоначальном плане операции, так что приговорили и отпели вас в Столице, а не в Питерском ГПУ.

Слова падали мерно и ровно, как куски мерзлой земли на крышку гроба. Леониду вновь в который раз увиделось то, что преследовало его в предрассветных снах. Неровная крыша питерской многоэтажки, подошвы бьют в гулкое железо, в глаза смотрит яркое полуденное солнце, в ушах – свист ветра и револьверный лай. Быстрее, быстрее, быстрее... Вечная погоня, от одной смерти к другой. И пропасть впереди.

Тогу богу...

– Лично вас, товарищ Москвин, спасло то, что кое-кто из руководства ГПУ захотел вытащить бандита Фартового на открытый процесс. Так вы оказались в Столице. А потом в дела вмешалась третья сила. Блюмкина послал действительно я, но не только по своей воле. Дальнейшее, как говорит классик, – молчанье. Я ответил?

– Так точно, Глеб Иванович...

Дальнейшее – молчанье... Леонид прикинул, что загадка не так и сложна. И Глеб Бокий, и Яков Блюмкин давно и прочно шли по одной тропе с Красным Львом Революции. Троцкий решил слегка нарушить планы слишком возмнившего о себе Генерального секретаря.

– Теперь о том, почему я вам все это рассказываю. На коллегии ГПУ мнения были разные. Большинство склонялось к тому, чтобы о конкретных исполнителях операции вообще не

упоминать. По всем бумагам Гавриков, Варшулевич и вы давно мертвы, вопрос, так сказать, закрыт. Но я все-таки настоял, чтобы вас признать невиновными в случившемся. У меня свой интерес, товарищ Москвин. В будущем при проведении подобных операций наши сотрудники должны знать, что тех, кто честно исполняет приказ, не сделают козлами отпущения. Одно из правил разведки – никогда не предавай агента!

Товарищ Москвин с трудом удержался, чтобы не хмыкнуть. Ну еще бы!

– Что касается лично вас... Пока вы работник среднего звена, руководитель небольшой группы в ЦК. Но скоро это будет сектор, а там... Кто знает? Этой фамилией вас одарили не зря. Кстати, уполномочен передать большой привет от гражданина Арто-болевского. Мы с ним быстро поладили и теперь успешно сотрудничаем...

Глеб Иванович намеренно сделал паузу, но Леонид даже не шелохнулся. То, что Бокий очень серьезно подготовился к разговору, было ясно. Любитель мистики совсем не прочь обзавестись своим человеком возле секретаря ЦК товарища Кима. В общем, самая обычная вербовка. Теперь и седой археолог пригодился.

– А чтобы вы не подумали плохого, Александр Александрович просил вас напомнить: «Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя...»

Леонид вздрогнул. В устах начальника Секретного отдела слова 22-го Псалма – в прославление Бога за особенное хранение – звучали странно. Чувствовалось, что это – не его Бог.

На что хотел намекнуть Артоболевский? Дать знак, что жив, и напомнить, как они оба стояли у расстрельной стенки?

– За привет – спасибо, – наконец проговорил бывший чекист. – Значит, решили-таки Агартху искать, товарищ Бокий?

Ответом был веселый взгляд.

– А вы, значит, Фома-апостол, которому надо обязательно вложить персты в рану, дабы убедиться? Думаете, я верю в ведьм, колдунов и всяческих горных арвахов? Нет, не верю. Не верю, но знаю! А вы не допускаете мысли, что кроме нашей цивилизации на Земле существуют и другие, нечеловеческие? До сегодняшнего дня они просто не хотели с нами разговаривать. Люди, к сожалению, со стороны выглядят не слишком привлекательно. А теперь у нас появился шанс!..

Леонид постарался не дрогнуть лицом. Началось! Искусил-таки мистик и теософ Мокиевский старого большевика. Другие цивилизации... Зачем так далеко искать? Планета Тускула и установка Пространственный Луч куда интереснее, чем вся эта восточная ерунда. «Что на Востоке, что на Западе хватает тайн и чудес. Но все они, уж поверьте мне, вполне земного и материального происхождения». Именно так, Александр Александрович!

Впрочем, не беда. Пусть Блюмочка по горам побегает, ему полезно будет, а то набрал лишнего веса чуть ли не в пуд.

– Между прочим, Агартхой интересуются не только в моем ведомстве, но и в вашем. Кто-то из руководства снаряжает туда экспедицию, причем не по поручению ЦК, а свою личную, без утверждения на Политбюро. Не слышали, товарищ Москвин?

– Не слышал, – Леонид безмятежно улыбнулся. – Товарищ Бокий, единственная экспедиция, которой мне пришлось заниматься, это та, которая на Землю Санникова. Если начальство разрешит, с удовольствием вам расскажу.

– Земля Санникова, – задумчиво повторил начальник Секретного отдела. – Согласен, очень интересно, сам бы съездил.

Кивнул, помолчал немного.

Встал.

Леонид тоже поднялся со стула, решив, что пора и честь знать. Но Бокий не спешил. Подошел к зашторенному окну, отодвинул тяжелую ткань, зачем-то постучал пальцами по стеклу.

– В ближайшее время, товарищ Москвин, намечаются крупные изменения, в том числе и в Госполитуправлении. Есть мнение, что для усиления и упорядочения нашей работы за рубежом следует создать отдельное Управление при НКВД и сосредоточить там наши лучшие силы. Возглавит его, вероятно, товарищ Дзержинский, создатель и бессменный руководитель советской разведки...

Пальцы вновь ударили по стеклу. Глеб Иванович обернулся. Легкая, еле заметная усмешка.

– Есть также мнение поручить товарищу Дзержинскому руководство Высшим Советом народного хозяйства, учитывая его опыт работы на транспорте. Естественно, такая нагрузка за пределами, поэтому Феликсу Эдмундовичу следует помочь. И мы, конечно, ему поможем!..

Он вновь подождал, давая возможность собеседнику осознать сказанное. Но Леонид уже понял. Скорпионы все-таки вцепились друг в друга. Дзержинского в очередной раз хотят снять с поста председателя ГПУ.

4

А кого любила, ведь не скажет,
А что дальше будет, бог покажет... —

пропела Ольга Зотова и, спохватившись, поглядела на дверь: плотно ли закрыта. Еще соседей распугает, лови их потом по соседним дворам. Что значит свобода! Хорошо хоть петь тянет, а не с саблями плясать.

Сколько было их, таких отважных,
А теперь они в земле во влажной.
А какие были хлопцы званы,
Как огни, глаза у них сияли...

В то, что «товарищ военная» вернулась из длительной командировки по служебным делам, выдавшие виды обитатели коммунальной квартиры не поверили. Кивали сочувственно, глаза пряча, а потом подарили роскошный персидский халат, почти новый. Отказа слушать не стали, заявив, что таково решение коллектива, выраженное на общем собрании и зафиксированное в протоколе. А когда Ольга, попав наконец-то в свою комнату, закрывала за собой дверь, то услышало чье-то негромкое: «Ее-то, болезную, пораненную, — за что? Ироды большевистские!..»

Поняли, конечно, не слепые.

Как они на вороных скакали,
На скаку все шибко как стреляли,
Никому никто не станет нужен,
Обласкали — и ушли на службу...

Пока девушка была «в командировке», в квартире починили ванную и даже заменили краны на кухне. Зато лестничную площадку убирать перестали. Не подъезд, а свинюшник, и только. Бывший замкомэск покачала головой. Ох придется порядок наводить, ох кому-то будет весело! Но с делами можно подождать до завтра. Свобода! Как хорошо, когда ты дома, на собственной кровати, и хлоркой почти не пахнет.

А казаки, баюны-вояки,
В седлах скачут, злые забияки...

Зотова, улыбнувшись, взялась за недочитанное письмо. Изучала его не спеша, абзац за абзацем, потому как послание оказалось непростым — ни фамилий, ни имен, ни названий. Подписано «ваш доктор», адресовано «матушке-печальнице», говорится же в тех абзацах исключительно про лечение, лекарства да лекарей. Старый подпольщик Дмитрий Ильич Ульянов хорошо знал, что такое «конспигация». Хоть и послано не по почте, а с верной оказией, но опаска все равно должна быть. «Матушка-печальница» даже не сразу поняла, что «племянник Ваш» — не кто иной, как шkodливая Наташка. Только когда «Ваш доктор» лечение кварцевой лампой помянул, сообразила. Отрицал доктор его полезность, зато всячески восхвалял перемену климата, подействовавшую поистине благотворно.

Наташу удалось пристроить в Крыму, в одном из новых санаториев. Девочка скучала, просилась назад в Столицу «к матушке», зато была жива, здорова – и под наблюдением толковых врачей. Это было очень хорошо, но все остальное не шибко радовало.

Из Крыма Дмитрий Ильич поехал на Кавказ, надеясь встретиться с братом. Вождь как раз приехал в Тифлис, после чего собирался отправиться в Абхазию, дабы отдохнуть на тамошних пляжах. Но братья так и не увиделись. Дмитрию Ильичу передали, что Вождь очень-очень занят.

Зато Предсовнаркома нашел время для встречи с Владимиром Ивановичем Бергом, то есть «с прежним лечащим врачом Вашего, матушка, племянника». И не только встретился, но и собирался посетить его «скудельницу» – новый гелиотерапевтический центр, построенный где-то возле Сухуми. Там же возводилась лечебница для опытов профессора Иванова, которому уже доставили первых обезьян, купленных в зоопарках Европы. Про это Дмитрий Ильич писал открытым текстом. Не тайна – об опытах с приматами, естественно, без лишних подробностей, сообщали местные газеты. «Новый шаг в развитии учения великого материалиста Павлова!»

Было над чем задуматься, причем очень крепко. То, что Берг – не маньяк-одиночка из американской фильмы, Ольга сообразила сразу, не знала она лишь о том, насколько серьезна поддержка у этого «целителя». Теперь поняла. Чему удивляться? Вождю тоже надо поправлять здоровье, а Берг наверняка наобещал с три короба, да еще с верхом.

Зачем Вождю бедные обезьянки профессора Иванова, бывший замкомэск старалась не задумываться. Как ни крути, выходило скверно.

Девушка отложила письмо, мельком прикинув, где будет удобнее его сжечь, и в который уже раз удивилась, отчего до сих пор на белом свете гуляет. Могли убить при аресте, могли срок за Блюмкина, поганца, навесить, в «домзаке» сгноить – или в психлечебнице запереть, на цепи посадив. Но все-таки выпустили. Не иначе потому, что не принимают всерьез. Кто она, бывший замкомэск, для этих шукарей? Контуженная барышня при ремингтоне, буйная, но не слишком опасная.

Зотова усмехнулась. Так, значит? Ну поглядим.

Отгremели поутру набаты,
Улетели соколы из хаты,
Все воют, шашками секутся
Да опять до дому не вернутся!..

5

Балалаечник крутанул инструмент в воздухе, ловко поймал, пристукнул по гулкому дереву – и вновь принялся щипать струны. Прodelывая все это, он умудрился левой рукой поднести ко рту маленький стаканчик, осушить и поставить на столик. В ответ слышались недружные хлопки, артист ухмыльнулся и завел «Барыню».

– Вы бы раков взяли, гражданин. Дивные сегодня раки, из-под Тулы возим. Глядите, какие клешни, страшно даже!

Леонид покосился на поднос в руках официанта. Раки и вправду смотрелись грозно. Ближайший, даром что вареный, так и тянул клешню, дабы ущипнуть несговорчивого посетителя. Остальные тоже были готовы вступить в драку.

– Нет, спасибо. Только пиво.

Официант, грустно вздохнув, поставил кружку на скатерть и сгинул. Товарищ Москвин сдул пену, отхлебнул, кивнул одобительно.

Пиво «У грека» было не только холодным, но и вкусным, определенно не с государственного завода, а местной пивоварни. И вообще, пивная оказалась заведением весьма приличным. Скатерти на столах, чистый пол, балалаечник-виртуоз на небольшой эстраде. На притон совсем не похоже, да и публика иная. Не то чтобы излишне приличная (пивная все-таки), скорее разная. В одном углу – веселая компания «совбуров» успех обмывает, в другом работяги, похоже, из одной артели, то ли грузчики, то ли строители. Подозрительные личности также имелись. Один прятал под пиджаком «ствол», причем не слишком умело, другой, прикончив вторую кружку, принялся вертеть в руках нож-финку с черной рукоятью, не иначе балалаечнику подражая. Но и эти вели себя тихо, не шумели.

За соседним столиком вольготно расположился шкет-беспризорник, облаченный в невероятное старое пальто с обрезанными лапами и рукавами. Огромная, не по размеру, кепка сползла на ухо, на ногах красовались дырявые галоши. Ликом шкет походил на арапа, то ли от грязи, то ли от «вечного» южного загара. Красавца и на порог пускать не хотели, но он, блеснув белыми зубами, предъявил полную ладонь мелочи, заявив во весь голос, что пришел картошки поесть, а пить, как известно, вредно.

Картошку, вареную, с льняным маслом, он получил – целую миску – и теперь уминал ее за обе щеки, даже не глядя по сторонам.

Леонид тоже заказал картошку, но жареную, с рыбой. Пообедать в этот хлопотливый день он так и не успел. Со службы пришлось уходить пораньше, брать извозчика-«ваньку» и спешить в общежитие, дабы переодеться. В синей гимнастерке и с кобурой при поясе идти в пивную было слишком рискованно. Теперь же на товарище Москвине красовался старый поношенный костюм с заплатами на локтях, такие же туфли и застиранная почти до белизны косоворотка, когда-то бывшая красной. Скромно, неприметно – и револьвер не очень заметен.

Пивную искать не пришлось, «ванька» сразу же сообразил, куда доставить седока. Леонид сошел за два квартала, неспешно прогулялся, осмотрел окрестности. Ничего приметного: одноэтажные дома с палисадниками, глухие дощатые заборы. В конце улицы два дома повыше, в три этажа. Еще дальше – шумный Тишинский рынок с его знаменитыми «блошиными» рядами, но до него надо идти еще минут десять. Шкет наверняка оттуда. Где еще можно столько мелочи срубить?

Бывший чекист не слишком волновался. Обычная операция, для такого же, как Фартон, легкая прогулка. Хотели бы убить – уже убили, а против разговора он ничего не имел. По крайней мере, что-то разъяснится.

Итак, он на месте, прошел час или даже больше. Долго еще ждать-то?

Леонид достал нераспечатанную пачку «Марса», поискал глазами пепельницу. Обнаружив, достал зажигалку...

– Эй, дяденька! Дай ман подырить!..⁸

Веселый шкет был уже рядом, грязная лапка уверенно тянулась к папиросам. Товарищ Москвин хотел объяснить юному гражданину, что курить вредно, но взглянул на чужие пальцы, уже прикоснувшиеся к пачке...

Промолчал. Пачку отобрал, папиросу выдал. Шкет радостно улыбнулся, задвинул полученное за ухо.

– А «зайчика»⁹, гражданин хороший?

Леонид щелкнул зажигалкой. Шкет потянулся вперед, но рука с «зайчиком» резко ушла в сторону.

– С ногтями – прокол, маникюр видно. Не годится, барышня.

На чумазом лице – белозубая улыбка.

– Так это же для тебя, Лёничка. Зачем тебе шмара с ногтями коцаными? Пиво поторопи и хилий на выход, на вольном воздухе крик будет¹⁰.

Бывший старший уполномоченный усмехнулся в ответ. А он все ждал, когда застучат знакомые каблучки! Подумал, головой покачал.

– На воздух вольный? Невеликая радость – со звездой ходить¹¹.

«Шкет» стер с лица улыбку.

– Ну, не тальянку ломать. Ты, запасаю, китобой битый, козырный, а если шухер какой, я тебе цинкану¹². Все, бывай!

Так и не закулив, «шкет» с сожалением поглядел на недоеденную картошку и, приплясывая, направился к выходу. Руки в карманах, кепка набекрень. В дверях обернулся, ладонью растопыренной махнул, с честной компанией прощаясь.

Исчез.

Леонид встал, поправил пиджак и пожалел, что не попробовал тульских раков. А вдруг не доведется больше? Обидно!

* * *

«Шкет» топтался у крыльца. Увидев Леонида, молча кивнул в сторону близкого переулка. Товарищ Москвин спешить не стал, осмотрелся. Два фонаря по бокам, несколько поздних прохожих, а в переулке – тьма египетская.

Ладно, рискнем!..

Перешел улицу и только тогда сообразил, что «шкет» уже рядом, в левое ухо дышит. Когда только успел?

Белозубая улыбка, веселый взгляд.

– Запасаю, не менжуешь, красивый!¹³

Леонид остановился, вдохнул глубоко.

– По фене – не буду. Если честно – ненавижу, обезьянья речь.

⁸ Дай закурить! (Здесь и далее – блатная феня 1920-х годов).

⁹ А огоньку?

¹⁰ Допивай пиво и выходи, на улице разговор будет.

¹¹ Ночью по улицам гулять.

¹² Ну не всю же ночь без ночлега шляться. Ты, вижу, человек опытный, серьезный, а если опасность какая, я тебя предупрежу.

¹³ Вижу, не боишься!

– Воля ваша, Леонид Иванович, – глаза Смерть-девицы блеснули. – Хотелось соответствовать. Пан тоже «музыку» не любит, морщится. Знаете, вы с ним очень похожи... Ну идемте, здесь близко.

Леонид мельком отметил «Ивановича». С этим отчеством он вышел из питерского дома, готовясь стать Фартовым. В справке об освобождении написали и печатью прихлопнули: «Пантелеев Леонид Иванович». Потом сыскари подлинные документы раскопали, и началась великая путаница. И фамилия другая, пусть и похожая, и отчество, и год рождения. На суде, когда к исключительной мере приговаривали, для пущей ясности оба отчества записали, одно так, второе в скобках. Какое именно, Леонид даже помнил.

Теперь шли рядом. «Шкет» уже не приплясывал, ровно шагал. Вот и переулок, в нем чернота плещется.

Девушка поглядела вперед, дрогнула губами.

– Не спешите.

Остановилась, прямо в глаза поглядела.

– Леонид Иванович, у меня вопрос, важный очень. Вы... Вы действительно Фартовый?

Глава 3

Сайхот

1

– ...Продолжаю, господин Кречетов... В крае, то есть теперь в республике Сайхот, предусматривается созыв сейма во главе с председателем, именуемым чулган-даргой. Помянутый является лицом, объединяющим все хошуны, сиречь племенные и родовые территориальные единицы. Соответственно сейм представляет собой собрание руководителей вышеизложенных хошунов, именуемых нойонами. Он собирается ежегодно для обсуждения насущных проблем края, а также для избрания чулган-дарги. При упомянутом организовано управление с двумя помощниками, переводчиком и штатом чиновников...

Мерный негромкий голос походил на рокот дальнего барабана. Хотелось вскочить в седло и мчать, закрыв глаза, в любую сторону света, хоть в Монголию к товарищу Сухэ-Батору, хоть в Джунгарию к китайским милитаристам – только бы подальше, подальше...

Иван Кузьмич Кречетов подошел к открытому окну, полюбовался белыми вершинами, застывшими горизонт, вдохнул прохладный утренний воздух... И вправду, бежать бы, не оглядываясь, от всех этих бумажек. Нельзя, нельзя!.. Хоть и не война, а все равно, самое настоящее дезертирство выйдет.

Дезертиров бывший унтер-офицер Кречетов возненавидел еще в революционном 1917-м. Не воспринимал кавалер двух «егориев» подобную форму борьбы за народное дело. Если по безлюдью и брал «вышеизложенных» в отряд, то с немалым скрипом. На командные должности не ставил никогда.

– Внешняя атрибутика власти чулган-дарги согласно имеющимся инструкциям выражается в четырехугольной медной с позолотой печати с надписью на русском и монгольском языках: «Управляющий девятью хошунами Сайхота чулган-дарга». К ней прилагается шарик темно-коричневого цвета... В связи с последними событиями можно заменить монгольский язык на местное наречие, однако же во всем прочем я бы не стал нарушать традицию.

Голос-барабан загустел. Его бывшее высокородие статский советник Вильгельм Карлович Рингель традиции чтит свято, за что и был дважды ставлен к стенке. В последний раз – в 1919-м, когда «заячьи шапки» партизанского генерала Щетинкина, прорвавшись по инскому тракту в Сайхот, разнесли в кровавую каплю отряд колчаковского есаула Бологова. Вильгельм Карлович, оружия в руки отроду не бравший, умудрился попасть в плен со всеми вытекающими последствиями. «Заячьи шапки», будучи злы, как черти, после неудачных боев на севере, не собирались церемониться с врагами, что в военной форме, что в вицмундире. Советник верховного комиссар Сайхотского края так и просился для показательного расстрела: очки золотые, голова бритая, усы тараканьи, вид надменный. Да еще в придачу «помянутый» вицмундир с орденами и прочими старорежимными висюльками.

От стенки Вильгельма Карловича отдирали лично Кречетов, сумевший объяснить суровым «шапкам», что и статские советники полезны для пролетарской диктатуры бывают. Особенно в тех случаях, когда на тысячу верст вокруг нет ни пролетариата, ни диктатуры, зато полно гаминов-китайцев, монголов, недобитых колчаковцев и просто разбойного люда. Русских же, считая с остзейским немцем Рингелем, кучка невеликая. А Россия далеко, за Усинским перевалом, за таежным морем.

– ...Однако самостоятельность сейма и чулган-дарги должна быть ограничена. Она ограниченность проистекает из самой природы протектората. Избрание чулган-дарги обязано

сопровождаться утверждением результатов выборов в соответствующем ведомстве Российского государства. Прежде это было Министерство внутренних дел в Санкт-Петербурге, а с 1919 года – в Омске, теперь же, насколько я понимаю, сие стало компетенцией Народного комиссариата внутренних дел.

– Гражданин Рингель, – как можно мягче перебил разошедшегося советника Кречетов. – Мы же новое государство строим, можно сказать, народное, страну трудящихся сайхотов и примкнувших к ним товарищей-русских. А вы нам колчаковский проект предлагаете...

– Милостивый государь!..

Тараканьи усы дрогнули, грозным огнем сверкнули спрятанные за толстыми стеклами светлые тевтонские глаза.

– Я был направлен в Сайхот двадцать лет назад для защиты интересов России, чем в меру своих скромных сил и занимаюсь до сегодняшнего дня. Нашей с вами Родины, господин Кречетов, пусть она сейчас стала именоваться какой-то, прости господи, «Эсэсэсэрь»! А интерес России состоит в том, чтобы крепкой ногой стать в здешнем крае, отнюдь не допуская сюда ни китайцев, ни монголов, ни японцев. Сие возможно только при наличии доброго согласия с вождями инородцев, чьи интересы мы просто обязаны учитывать. Впрочем, если ваша «Эсэсэсэрь» пришлет сюда казачью дивизию с горной артиллерией, я согласен выслушать ваши доводы.

Иван Кузьмич вновь подошел к окну, поглядел на недоступные горы, представил, как здорово сейчас пройти по тайге, хотя бы рядом с его Атамановкой... Дивизию сюда не пришлют – и полк не пришлют. Стоял в Сайхоте конный отряд Кости Рокоссовского в неполных двести сабель, так и тот отозвали. Воюй, как можешь, георгиевский кавалер Кречетов! Хочешь, сопливых мальчишек в бой веди, хочешь, сайхотам, отроду в армии не служившим, раздавай трофейные «арисаки». Мало «арисак», три сотни всего? А это уже ваши трудности, товарищ командующий, вы же сами предложили независимую республику утвердить...

Товарищ Кречетов коснулся лбом оконной рамы, прикрыл веки, чтобы горы не смущали. Эх!..

Что вы головы повесили, соколики?
Что-то ход теперь ваш стал уж не быстрехонек?
Аль почуяли вы сразу мое горюшко?
Аль хотите разделить со мною долюшку? —

не пропел – продышал, еле губами шевельнув. Но гражданин Рингель почуял.

– Я бы тоже мог что-нибудь исполнить, – донеслось из-за спины. – Хотя бы арию Кавардосси, которую сей герой перед расстрелом петь изволит. Господин Кречетов, положение очень серьезное. Вы все по тайге за хунгузами гоняетесь, ровно шериф из Северо-Американских Штатов за ирокезами. Дело, конечно, увлекательное...

Иван Кузьмич неспешно обернулся, поймав острый блеск стеклышек-очков. Хунгузов в этих местах отродясь не было. Гражданин Рингель, начинавший свою служебную карьеру в Харбине, изволил вспомнить молодость.

– А между тем руководство вашей «Эсэсэсэрь» явно склоняется к передаче Сайхота правительству Внешней Монголии, потому как при власти там, видите ли, стоят большевики. Монголы-большевики, помилуй Бог! Посему, если мы в ближайшее время не примем Основной Закон, равно как принципы взаимоотношений с метрополией, не утвердим их согласно всем инструкциям и правилам в Столице, Россия рискует потерять эту землю. Может, это и в интересах Мировой революции, но отнюдь не в моих. И мне отчего-то кажется, что не в ваших тоже!..

* * *

Сайхот хотел отдать монголам товарищ Шумяцкий, вождь большевиков Сибири. У него был свой интерес – поближе сойтись с новым руководством Урги, которое регулярно клялось в своей горячей любви к «улан-орос», требуя за это не только золото и оружие, но и соседние территории. Дело не ограничивалось словами, монгольские конные сотни то и дело нарушали границу на юге и западе. Монголы – невеликие бойцы, но несколько тысяч приличного войска у них найдется. Для Сайхота, уже много веков не имевшего своей армии, более чем хватит.

Шумяцкий настаивал, убеждая Столицу, что укрепление братской Монголии наверняка послужит делу подъема революции в странах Азии. Примеры уже были. Турецкий диктатор Кемаль, топивший своих коммунистов в кожаных мешках, тем не менее получил в подарок Карс, как залог верности общему делу борьбы с мировым империализмом. Но про Карс, откровенный когда-то русской кровью, хотя бы написано в учебниках. А много ли знают о Сайхоте? Не на каждой даже карте сыщешь, не в каждом гимназическом пособии найдешь.

Родители Ивана Кузьмича в гимназиях не учились, не по чину было. Обычные воронежские землепашцы, позавчера – помещичьи, вчера – временнообязанные, а ныне хоть вольные, но малоземельные, курицу некуда выгнать. И надеяться не на что. Был к ним, простым крестьянам, добр Царь-Освободитель, только убили его помещики, поляки да скубенты за то, что свободу людям дал. Велик мир Божий, но податься некуда, разве что в антихристову страну Америку, где улицы золотом мостят, или в православное Беловодье в земле восточной, дальней.

Про Беловодье говорили разное. В книжках, что господами в городах напечатаны, сказывалось, что такой земли нет и не было никогда. Но книги правильные, потаенные иное гласили. Есть Беловодье! На полдень от земли Сибирский, на север от земли Монгольской, в котловине между горами, что вечным снегом покрыты. Ведет в эту страну одна лишь дорога, такая узкая, что и коня не повернуть. А зовется та дорога Усинский тракт...

На Усинском тракте Иван Кузьмич и родился, то ли еще в России, то ли уже в Беловодье, на землях, управляемых китайским губернатором-дущюнем. Кречетовы были не первые и даже не тысячные на этом долгом пути. Сайхот русские начали заселять еще при Петре Великом, сперва раскольники-староверы, после – крестьянская голытьба. Земли было много, и китайские власти не слишком возражали. Потом в Сайхот начали заглядывать сибирские купцы и промышленники, а следом за ними и деловые люди из русских губерний. Неподалеку от древнего дацана Хим-Белдыр, где обитал Пандито-Хамбо-Лама, духовный глава местных буддистов, начал расти русский город Беловодск.

В последние годы XIX века далеким краем заинтересовался державный Петербург. При дущюне появился русский консул, через горы потянулись телеграфные провода, Беловодск же после рождения наследника престола торжественно переименовали в Цесаревич.

Китайские власти не обращали внимания на суету северных варваров, сайхоты же, особенно из числа немногочисленной знати, начали поглядывать на русских с немалым интересом. Российский Орел был им более по душе, чем жестокий ханьский Дракон.

А в 1911-м от Рождества Христова, по-здешнему – в год Белого Кабана, в Сайхот из далекой китайской земли пришла Синхайская Революция.

Ветры перемен почти не касались станицы Атамановки (по-сайхотски – Суг-Бажы), где поселилась Кречетовы. Земли и леса было вдоволь, переселенцы жили дружно, ненавистное «начальство» осталось далеко за горами. Поистине Беловодье! Оружие никогда не прятали, но не видели в том беды, даже стали поговаривать о вступлении всей станицей в казачье войско. Сперва в Сибирское, куда уже посылали гонцов, а после, глядишь, и в свое, Сайхотское.

Но ветры были настойчивы, добираясь до самых глухих углов. В 1914-м грянула Германская война. Сперва забрали двух старших братьев, в начале 1916-го настал черед Ивана. Так Кречетов-младший впервые попал в Россию.

Из всех троих домой вернулся он один, старшие пропали без вести во время великого отступления 1915-го. Унтер-офицер Иван Кречетов приехал в Атамановку в марте 1918-го, поклонился отцовской могиле на станичном погосте, а затем собрал сход таких же, как он, фронтовики.

Через месяц на чрезвычайном съезде Русской общины Сайхота, созванном в Цесаревиче, была провозглашена советская власть.

* * *

– Оно, пожалуй, еще хуже выходит, гражданин Рингель. И не в бумагах сила...

Иван Кузьмич кивнул на заваленный папками стол.

– Это при Николае Кровавом выше МВД власти не было. Сейчас такие дела Центральный Комитет решает, а наркомат лишь печать прикладывает. Сколько мы им обращений и прошений за эти два года послали? А воз и ныне там. Не признавали Сайхотскую Аратскую Республику и признавать не хотят. Понять их, конечно, можно. В масштабе всепланетной революции наш Сайхот уж больно неприметен, вроде как гриб среди леса. Опять же товарищ Шумяцкий умную политику ведет, шелковыми халатами цекистов одаривает. Может, и нам чего послать? Верблюда, скажем, или даже двух?

Бывший статский советник, вздернув редкие брови, кисло усмехнулся – оценил. Захлопнул папку, отложил в сторону.

– Еще лучше, господин Кречетов, отправить им осла... А я еще жаловался на некомпетентность правительства Его Императорского Величества! Сайхот – уникальная стратегическая позиция в самом сердце Азии. Только слепой от рождения и российский бюрократ не могут этого увидеть. Сейчас к сим господам прибавился третий – комиссар... Не целесообразнее ли вам, милостивый государь, самому поехать в Столицу? Ослов там, поверьте мне, и так хватает.

– Это верно. И верблюдов – тоже, – согласился Иван Кузьмич. – Может, и придется. При монголах все равно нам не жить. Помните, как в 1919-м русских резать начали? И кто? Его светлость князь Максаржав, который сейчас «товарищ» и первый боец Мировой революции. Ох, не достал я его тогда, хунгуза недобитого...

В 1919-м и вправду было плохо, хуже не придумать. Юг заняли китайцы-гамины, Цесаревич, к тому времени вновь ставший Беловодском, захватил колчаковский есаул Бологов, а на севере зверствовали монголы. Пытаясь выжить, русские станицы и села создали Оборону – военный союз, в который вошли и «красные», и «белые». Бывший унтер Кречетов был избран командующим сперва в родной Атамановке, а следом и во всей округе. Именно ему довелось прогнать обнаглевшего князя Максаржава, которого уже успели окрестить Мамай-жабой. С Бологовым пришлось повозиться, но тут пришла подмога – через Усинский перевал прорвались «заячьи шапки» товарища Щетинкина.

В начале 1921-го русские и сайхоты на совместном съезде-хурале провозгласили независимую Сайхотскую Аратскую Республику.

– Вот как мы сделаем, – рассудил Кречетов. – Вы, Вильгельм Карлович, бумаги оформите по-быстрому, только, пожалуйста, без шариков и печатей с позолотой. Все-таки народную республику строим, соответствовать надо. А я с местными товарищами поговорю, прикину, кого в Столицу лучше взять. Они же, чудики, обращение во ВЦИК в стихах написали. Жаль, переводчика толкового нет, чтобы на русский переложил.

Ответом вновь была кислая усмешка.

– Вы, батенька, с местными, извиняюсь, «товарищами» осторожней будьте. Надеюсь, помните, что они хотели в Конституции, в раздел «права и обязанности граждан» записать? Китайцев всех из Сайхота изгнать, корейцев же не изгонять, зато перерезать, невзирая на пол и возраст. Гражданская лирика здесь весьма специфична.

Спорить не приходилось. Иван Кузьмич присел к столу, без особой нужды придвинул к себе ближайшую папку, приударил ею о зеленое сукно столешницы.

– А все одно – не сдадимся. Когда Бакич-генерал к самой Атамановке подступил, еще хуже было. Ничего, сдюжили.

Гражданин Рингель, служивший при Бакиче советником, взглянул без лишней симпатии, хотел возразить. Не успел, стук в дверь помешал.

– Разрешите, товарищ командир?

– А не разрешаю, – откликнулся товарищ Кречетов, даже не оглянувшись.

В дверях – лопоухое недоразумение лет четырнадцати в огромных старых галифе и такой же, не по росту, гимнастерке, из которой торчит худая гусиная шея. На ремне пылает кавалерийская бляха, сбоку – фляжка в чехле, из-под краснозвездной фуражки светлые волосы выбиваются.

Аника-воин, и только.

– Так я же по делу! – В ярких голубых глазах – обида.

Иван Кузьмич не шелохнулся:

– Сгинь, Кибалка! Не до тебя.

Аника-воин не послушал, в комнату шагнул.

– Не Кибалка, а красноармеец Кибалкин. Это, во-первых. А во-вторых, дядя, сам же учил, что донесения выслушивать нужно. Вдруг белые уже в городе?

Товарищ Кречетов и гражданин Рингель переглянулись. Бывший статский советник ухмыльнулся не без яду:

– Многообещающе звучит, молодой человек. Вашими бы устами!..

Иван Кузьмич бросил укоризненный взгляд на разошедшегося «спеца», тяжело шагнул к порогу.

– Ты, Кибалка, так не шути и гражданина Рингеля не смущай. Вечно у тебя белые в городе. Я ведь, Вильгельм Карлович, этого орла чего из Атамановки вызвал? Он, паршивец, вздумал систему оповещения проверить. Четыре станицы переполошил, в ружье поставил!..

Орел, он же паршивец, и ухом не повел.

– Только две, дядя, остальные даже не проснулись. Вот тебе и боевая готовность... Белых в городе нет, однако чужак через все посты прошел, и через внешние, и через те, что возле площади. И не предупредил никто! Теперь у входа стоит, тебя спрашивает.

Товарищ Кречетов подошел к подоконнику, раскрыл пошире раму, выглянул.

Повернулся резко.

– Через все посты, говоришь? И как такое случиться могло? Ваши соображения, красноармеец Кибалкин?

Аника-воин подобрался, вздернул острый подбородок.

– Вы, товарищ командир, местных в караул ставите. А у них в башке не пойми что, то ли устав, то ли ихний будда. Вот и проворонили.

– В корень смотрите, юноша, – Вильгельм Карлович кивнул одобрительно. – Говорил я вам, господин Кречетов! С сайхотами ухо остро держать надо. Стихи-то они, конечно, писать горазды...

Иван Кузьмич на провокацию не поддался, лишь светлые брови к переносице свел. Бороду огладил, повел крепкими плечами.

– А ну-ка пойдем, племян! Значит, меня требует? Ну-ну, поглядим...

* * *

Племянник, сын старшей сестры, товарищу Кречетову достался в качестве жернова на шею. Сестрин муж на Германской сгинул, вот и пришлось тезку, Ваню Кибалкина, на воспитание брать и разуму учить. А как воспитаешь, когда что ни день – война, если не поход, то перестрелка? Вот и вырос Аника-воин, такой, что оторви и выбрось. Матери – горе, всем прочим – забота великая. Правда, с некоторых пор Иван Кузьмич понял, что жернов хоть и тяжел, но полезен, хотя бы иногда. Год Кибалка честно прослужил адъютантом, а потом серьезно занялся связью. Между станицами – ни телефона, ни телеграфа, одна тайга. Как народ по тревоге поднимать, чтобы быстро и не слишком заметно?

Кое-что придумал сам товарищ Кречетов, кое-что друзья-фронтовики подсказали. Кибалка же, собрав мальчишек, создал команду связных. Взрослый мужик на коне слишком приметен, да коню не везде сподручно, особенно через тайгу напрямки. Кибалкина команда старалась не зря. Именно она подняла соседние станицы, когда пришел Бакич. Под Атамановкой генерала встретили главные силы Обороны Сайхота.

После боя Иван Кузьмич выдержал еще один, с собственной сестрой, чуть не сошедшей с ума от страха за «робёнка». А потом и с самим Кибалкой, требовавшим зачисления всей его босоногой команды в Красную Армию.

Товарищ Кречетов понимал, что это – только начало. Даже не понимал, сердцем чуял.

2

В книге «Далекий Сайхот», изданной в Петербурге перед самой войной, автор, известный репортер Янчевецкий, обратил внимание господ читателей на одну из достопримечательностей города Цесаревица – самую большую в мире центральную площадь. Высказав должный восторг, автор уже вполне по-деловому предположил, что недалек тот день, когда на эту площадь будут садиться российские аэропланы.

С аэропланами Янчевецкий угадал, а вот насчет прочего слегка слукавил. Гигантский пустырь в центре города никто не планировал и площадью не считал. Это было незастроенное пространство между русским поселением и сайхотским Хим-Белдыром с его знаменитым дацаном. Оба города стояли друг против друга, дистанция, их разделяющая, сокращалась, но без излишней спешки. В последние годы из-за войны строиться перестали, и площадь по-прежнему расстилалась от горизонта до горизонта. Для предупреждения пожаров – очень удачно, для обороны же не слишком хорошо. Есаул Бологов, загнанный повстанческой конницей в Хим-Белдыр, ощутил на своей собственной шкуре.

Этим утром простор огромного пустыря скрашивал конный разъезд в мохнатых шапках с луками при седлах. Вид у сайхотских вояк был слегка растерянный. Ближе стояло двое русских ополченцев при «арисаках». Увидев появившегося на крыльце Кречетова, старшой шагнул вперед, привычным движением подбросив ладонь к белой, застиранной фуражке.

– Товарищ командир, докладываю. Гражданин сопровождается, оружие изъято. Сопротивления не оказывал. Вот!..

«Вот» – мосинский кавалерийский карабин лег на ступени крыльца.

Винючник всей этой суеты стоял тут же – высокий, плечистый, в новой красноармейской форме, увенчанной «богатыркой» с синей звездой на лбу. На ярко-красном, словно после сильного ожога, лице странно смотрелись светлые, почти белые глаза.

Вещевой мешок-«сидор» у ног, нашивки на рукаве, желтый пояс, щегольские сапоги. Будто с парада пришел, только кожа сапожная слегка запылилась.

– Здравия желаю, товарищ Кречетов!

Иван Кузьмич недоуменно моргнул, затем еще раз...

– Товарищ Волков? Да откуда ты?! Вот дела... Товарищи, тревога отменяется, свой это человек, проверенный. А на постах не спите, вечером лично погляжу.

Сбежал с крыльца, схватил гостя за широкие плечи.

– Ну удивил, комполка!.. Откуда только взялся?

Обнялись, ладонями по спинам похлопали. Остальные глядели уважительно и с легкой опаской. О товарище Волкове, командире легендарного 305-го полка, была наслышана вся Сибирь. Воевал он под старой партийной кличкой Венцлав, но фамилию его тоже помнили. Всеслав Игоревич Волков жил в Сибири еще до 1917-го, как говорили злые языки, выйдя на поселение после многолетней каторги. Другие, не столь предвзятые, рассказывали не о каторге, а о молодом офицере, отказавшемся в 1905-м расстреливать восставшую Читку и вышедшем из-за этого в отставку. О комполке Венцлаве можно было услышать всякое: и хорошее, и плохое, и вовсе страшное. Все сходились в одном: там, где товарищ Волков, врагу придется туго.

Про Венцлава и его Бессмертных Красных Героев Иван Кузьмич впервые узнал еще в далеком 1918-м. А два года назад довелось и знакомство свести при обстоятельствах необычных, можно сказать, чрезвычайных.

– Посты у тебя, Иван Кузьмич, и вправду дырявые, – комполка Волков поднял с земли «сидор», закинул за плечо. – Подтяни народ, а то не ровен час... Откуда я взялся, доложить могу, не тайна. На аэроплане к тебе летел, но за десять верст от города сел на вынужденную. Подмоги ждать не стал, пешком пошел. Ну, принимай гостя!

Товарищ Кречетов кивнул в сторону крыльца, прикинув, что разбираться придется не только с постами, но и с разведкой. Аэроплан сел в десяти верстах от города, а ему не доложили. Не годится!

3

Поговорили в бывшем кабинете красноярского купца Юдина, виноторговца и золотопромышленника, которому в недавние годы принадлежало и само это здание, и еще очень многое в городе. Юдин, известный меценат, подарил русской общине Сайхота богатую библиотеку и обещал основать сельскохозяйственный институт. Библиотеке повезло – чудом уцелела после городских пожаров в 1919-м, когда добивали Бологова, а вот недостроенное здание института попало под огонь партизанских пушек. Вероятно, поэтому вид у длиннобородого мецената на портрете был суровый и обиженный.

От завтрака гость отказался, пили желтый китайский чай. Товарищ Кречетов положил на стол красный кисет с махоркой-самосадам, Волков, усмехнувшись тонкими бесцветными губами, достал пачку американских папирос «Вирджиния». Иван Кузьмич лишь головой покачал. Откуда?

– Телеграмму про авиаперелет получили? – поинтересовался гость, щелкнул зажигалкой.

Товарищ Кречетов наивно моргнул:

– Про то, что ты летишь? Ни сном ни духом, Всеслав Игоревич. Рейс из Красноярска раз в две недели, сам, наверное, знаешь.

Комполка понимающе кивнул, отставил пиалу и расстегнул нагрудный карман. На стол легла сложенная вчетверо бумага.

– Мои полномочия. Читай, товарищ конспиратор!

Иван Кузьмич развернул твердый пергаментный лист. По верху страницы-бланка – четкие ровные буквы, словно солдаты на царском параде. «Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков). Центральный Комитет». Исходящий номер, несколько строчек текста. Печати...

– Понял, – уже без улыбки сообщил Кречетов, возвращая удостоверение. – Шифротелеграмму о перелете получили вчера. Рейс ожидается сегодня ближе к вечеру. Из-за этого я караулы выставил, чтобы без неожиданностей обошлось...

Взгляд скользнул по папиросной пачке. Волков заметил, пододвинул американское диво ближе к хозяину, зажигалку положил рядом.

– Угощайся!

Иван Кузьмич взял папиросу, хотел по привычке сложить ее гармошкой, но пожалел. Закурил, вдохнул незнакомый душистый дым, подумал немного.

– Резкая, однако. И крепкая, китайские и японские слабее будут... Я потому вчера вечером за документы сел и гражданина Рингеля мобилизовал, чтобы пакет с аэропланом передать.

Гость еле заметно дрогнул губами.

– Документы? Все надеешься, что Сайхот в Столице признают? Наши сейчас ведут переговоры с правительством Сунь Ятсена в Кантоне. Он, конечно, революционер, но отдавать китайскую территорию едва ли захочет.

Кречетов кивнул.

– Слышал, как не слышать? И про Шумяцкого с его монголами, и про то, что денег на Сайхот в бюджете нет и что войск в Сибири мало. Но должны же они понимать?

Вирджинский табак внезапно стал горчить. Иван Кузьмич отложил папиросу, подался вперед:

– Нельзя Сайхот отдавать, неправильно будет! Даже если земля эта не нужна, если об интересах Союза Республик совсем забыть. Здесь же нас, русских, тысяч сорок, а то и больше. Не выживем при монголах, а китайцы защитить не смогут, у них самих война...

Не договорил, схватил папиросу, резко затянулся.

– Не горячись!

Бесцветные глаза Волкова посуровели, на красном лице обозначились резкие скулы.

– Влезли в большую политику – терпите! Сайхот – ключ к Тибету, дорога в Непал и Британскую Индию. Думаешь, чего беляки за этот край так цеплялись? Войска СССР сейчас сюда ввести не может, ни дивизию, ни даже роту. Китайцы в ответ могут запросто забрать себе КВЖД. А мы еще с Британией переговоры ведем на предмет дипломатического признания. Что такое «Большая игра», слышал? Англичане еще полвека назад на эти земли глаз положили, если бы не война в Афганистане, давно были бы здесь.

Ивану Кузьмичу внезапно почудилось, что он в окружении. Со всех сторон враги, при пулеметах, при артиллерии, у его ребят одни «берданы» и охотничьи дробовики. Хоть песни пой, хоть митинг проводи, хоть письмо в Коминтерн пиши, все одно крышка. Сейчас начнут обстрел, закидают осколочными...

– Вижу, осознал, – голос Волкова был холоден и тверд. – Потому и не спешили в Столице, ждали. Вождь был болен, без него никто не хотел такие вопросы решать. Ваша монетка вроде как на ребре стояла. Влево упадет – орел, вправо – решка.

Немного подождал, улыбнулся.

– Кто-то у нас сегодня везучий.

Иван Кузьмич взглянул недоуменно. Гость вновь полез в нагрудный карман, достал еще один листок.

– Выписка из решения Политбюро. В руки не дам. На стол положу, а ты прочитаешь.

Малая бумажка, не на бланке даже. И печать всего одна. Вверху – «слушали», чуть ниже, как и положено, «постановили»... Кречетов не без опаски взглянул...

– Мене, мене, текел, упарсин, – негромко, словно самому себе, – сказал Волков. – Взве-сили царствие твое, князь Сайхотский...

Иван Кузьмич не услышал, строчки разбирал. Вчитался, пальцем по той, где «постано-вили», провел, выдохнул резко. А потом и брякнул первое, что в голову прикатило:

– А они там, того, не передумают?

Потом, спохватившись, на гостя исподтишка взглянул и еще более удивился. Комполка смеялся – беззвучно, почти не разжимая губ. Вспомнилась чья-то байка о том, что товарищ Волков единственный раз в жизни улыбнулся – когда о свержении Николая Кровавого узнал.

– Не передумают, не бойся! – отсмеявшись, махнул широкой ладонью гость. – С аэро-планом прибудет курьер, официальный документ привезет. Я выписку захватил, чтобы тебя заранее порадовать.

Товарищ Кречетов помотал головой, чувства утрясая, провел пальцами по вспотевшему лбу, затем наконец-то улыбнулся:

– Прямо гора с плеч! Признали-таки, решились!.. Это ж какую ты радость всем привез, товарищ Волков! Да что там говорить, эх!..

Не горюйте, не печальтесь – всё поправится,

Прокатите побыстрее – всё забудется!

Разлюбила – ну так что ж,

Стал ей, видно, не хорош.

Буду вас любить, касатики мои!.. —

на этот раз не выдержал, в голос завел. Комполка вновь засмеялся, подхватил:

Ну, быстрее летите, кони, отгоните прочь тоску!

Мы найдем себе другую – раскрасавицу-жену!

В дверь уже заглядывала чья-то встревоженная физиономия. Кречетов дернул рукой, отсылая бдительного товарища подальше, сжал пальцы в кулак, по сукну столешницы пристукнул.

– А вот так им всем!.. Хрен печеный вам, товарищи монголы, вместо Сайхота. И товарищу Шумяцкому – тоже хрен с прибором! И Сунь Ятсену...

– погоди ты! – поморщился Волков. – Пошумели, и хватит. О том, что знаешь, пока молчи, не трезвонь раньше времени.

Отхлебнул остывший чай, поставил пустую пиалу на край стола.

– О другом подумай. Признали твою Сайхотскую Аратскую, а почему?

Иван Кузьмич честно попытался, но без особого результата. Не думалось совершенно. Даже настоящей радости пока не было, только страшная глухая опустошенность – и непонятная дальняя тревога где-то у самого горизонта. Почему-то вспомнилось, как они с товарищем Волковым впервые встретились. Очень похоже на сегодняшнее утро, только вокруг расстилась желтая степь Северной Халхи, у подножия поросшего сухой мертвой травой холма змеилась маленькая речушка, которой даже нет на карте, а в небе неслышно парили две большие черные птицы.

– Товарищ Кречетов, здесь кто-то чужой, не наш!..

Всеслав Игоревич тогда тоже явился при полном параде, только на «богатырке» синела не звезда, а буддийская «лунгта». И карабина не было, лишь маузер в деревянной кобуре.

Про аэроплан в тот день речь не шла. Товарищ Волков, предъявив удостоверение, небрежно пояснил, что решил лично произвести рекогносцировку местности. Что ж, самое обычное дело – командир красного полка, сам-один, без коня, даже без мотоциклетки, посреди монгольских просторов. Тогда Кречетову было не до загадок, но после пришлось поломать голову.

А еще Иван Кузьмич понял, что разведка не виновата. Никакой аэроплан возле Беловодска этим утром на вынужденную не садился. Ни в десяти верстах, ни даже в сотне.

– Мне сейчас, Всеслав Игоревич, о другом думать надо, – наконец рассудил он. – За признание, конечно, земной всем поклон. И тебе поклон за весть радостную. Только это, как понимаешь, не конец, а всего лишь начало. Теперь можно и как ее... Конституцию принимать, и комитеты трудящихся аратов организовывать...

Не договорил, с товарищем Волковым взглядом встретился.

– Долг платежом красен, Иван Кузьмич! Мене, мене, текел, упарсин... Вам в Сайхоте повезло больше, чем царству Валтасара, но взвешивали вас не боги, а люди.

Широкая ладонь легла на стол, словно печать поставила.

– Руководство СССР пошло на риск обострения отношений с соседями, чтобы иметь верного союзника в центре Азии. Сейчас мы устанавливаем дипломатические отношения с Западом и Востоком, а значит, ряд, скажем так, акций проводить своими силами не можем. Поэтому Совнарком и Центральный Комитет будут просить... – По красному лицу промелькнула снисходительная усмешка. – Да, именно просить наших сайхотских товарищей об оказании помощи по решению ряда вопросов.

Привычные казенные слова прозвучали недобро, даже зловеще. Но Кречетов уже пришел в себя и пугаться не стал, равно как и особо удивляться. Это только на первый взгляд Союз Социалистических Республик, держава «от тайги до британских морей», в помощи их маленькой страны нуждаться не может. «Сайхот – уникальная стратегическая позиция в самом сердце Азии». Его бывшее высокородие Вильгельм Карлович знал, что говорил.

– Перейдем к делу. Прошу подумать и ответить. Какой вы, товарищ Кречетов, занимаете официальный пост в Сайхотской Республике?

Иван Кузьмич улыбнулся. А не в ГПУ ли ты служишь, комполка Волков? Уж больно «манер» подходящий. Еще бы в зубы двинул – для верности.

– Депутат Малого Хурала. Вроде как член ВЦИК, если с Россией сравнить...

Отвечал, думая совсем о другом. Это очень хорошо, что товарищ Волков взял подобный тон, на казенное «вы» перепрыгнув. Когда давят и права качают, сразу полная мобилизация настанет. Никаких тебе буржуйских сантиментов, сплошная готовность к бою.

– ...А еще заместитель председателя Русской общины по военным делам. Нашу Оборону вроде как распустили по случаю окончания войны, но кадры остались. И оружие есть. Так что, считай, командующий местной Красной Армией.

Иван Кузьмич вспомнил паршивца Кибалку, вздумавшего станицы по тревоге поднимать, и обругал себя за лень и нерасторопность. Самому надо этим заниматься, а не мальчишкам на откуп отдавать. Зарылся он тут в бумаги, ровно хряк в отрубях!

Ничего, наверстаем.

– Не обижайся, товарищ Кречетов, по делу спрашиваю.

Волков попытался улыбнуться, но не слишком удачно. Лишь зубы крепкие показал, фамилии собственной соответствуя.

– Значит, нужные бумаги оформить можешь? Чтобы со всеми печатями, с визой вашего главного попа... Как его кличут? Хамбо-Лама, кажется?

– Он самый и есть, – степенно кивнул Иван Кузьмич, окончательно приходя в доброе расположение духа. – Его Святейшество Пандито-Хамбо-Лама. Умный старичок и не вредный. С пониманием, можно сказать.

Он вдруг понял, что не зря потратил эти годы. Поначалу в независимый Сайхот мало кто верил. Местных товарищей вполне устраивал российский протекторат и даже возвращение под перепончатые крылья китайского Дракона (при условии, что грабить будут меньше и позволят перебить всех корейцев). А русской общине очень хотелось выжить. Но большевистской Столице и колчаковскому Омску было не до земель за Усинским перевалом. Единственно, в чем были единодушны и белые, и красные, так это в категорическом нежелании ссориться с Китаем. Все советы сводились к одному: «Сидите тихо!»

А если режут?

И вот – Сайхотская Республика. Раскачали местных, уговорили хитрого и осторожного Хамбо-Ламу, отбили монголов, заставили уйти китайцев-гаминов...

Иван Кузьмич поспешил себя одернуть и устыдить. Если и есть его заслуга, то не столь великая. Дело вершили вместе, и зря товарищ Волков «князем» дразнится.

Князь Сайхотский, член РКП(б) с июля 1917 года товарищ Кречетов поглядел прямо в глаза своему странному гостю.

– Так чего от нас требуется, Всеслав Игоревич? Ты уж прямо скажи, а мы думать будем.

* * *

Как Иван Кузьмич и предполагал, паршивец Кибалка топтался у крыльца да на окна поглядывал, не иначе томясь в ожидании новостей. Кречетов усмехнулся в густые усы. Новостей тебе, герой? Сейчас будут!

– Красноармеец Кибалкин!..

Спешить не стал. Сперва стойку «смирно» отработал, затем велел ремень подтянуть, а заодно и намекнул, что стричься самое время. Обычно племянник начинал обижаться да губы надувать, но в этот раз даже лицом не дрогнул, видать, что-то понял. Наконец товарищ Кречетов, смиростивившись, скомандовал «вольно» и в сторону кивнул. Отойдем, мол, нечего глаза мозолить.

Прошли за угол, где глухая стена. Кречетов поглядел по сторонам для пущей надежности, подумал немного... Эх, этому орлу да годков пять бы прибавить!

– Какая часть у нас в Обороне самая надежная, как считаешь?

– Серебряная рота, понятно, – рассудил Иван-младший, ничуть не удивившись. – Все воевавшие, многие еще с Японской. И «егорий» почти у каждого.

Иван Кузьмич согласно кивнул.

– Это верно, сплошь кавалеры. А чего ж они приказов не слушаются, без спросу в атаку лезут?

На этот раз Кибалка задумался, но не слишком надолго.

– Умными себя считают, дядя. Мол, им виднее, и когда в атаку, и с какой руки заходить. Есть там бузотеров с дюжину, они всех и мутят. Да ты их и сам знаешь.

Товарищ Кречетов вновь головой покивал, а потом взглянул племяннику прямо в глаза.

– Приказ тебе дам со всеми, значит, полномочиями. Лети в Атамановку и бойцов подбери, но только добровольцев. Первым делом, понятно, из Серебряной роты, но чтобы без бузотеров, ясно? Людей ты знаешь, так что с понимаем к вопросу подойди. И не слишком мешкай, считай, что мы на войне.

Кибалка дернул худой шеей, глазами блеснул.

– Ясно, товарищ командир, как на войне. А скольких брать? И кого именно? Пулеметчиков, при пушках которые?

Иван Кузьмич сдержал улыбку. Молодец парень, не теряется.

– Все в приказе будет, прочитаешь. Только учти, Иван, теперь ты – главный. Пусть перед тобой хоть десять унтеров с полным Георгиевским бантом горло дерут, а ты все одно решаешь по делу, а не как они хотят. Справишься?

Можно было и не спрашивать, а просто на конопатый нос взглянуть. Ишь, в небо смотрит, прямо как противосамолетная пушка системы Лендера! Как говорили господа офицеры – амбиция! Само собой, с каждым добровольцем самому говорить придется, причем не один раз. Но все одно забот вполтину меньше.

– Дядя!.. Товарищ командир! Я и насчет оружия могу... – совсем осмелел младший.

– Отставить! – осадил его Кречетов, брови насупив. – Чего сказали, то и выполняй, а то разжалую и пошлю в конюшню, кобылам хвосты крутить. Оружие, оно опыта требует. А ты молодой еще, Кибалка!

Ответом был взгляд, от которого спичка загореться может.

– Так точно, молодой, товарищ командир... Зато ты, дядя, старый да еще и бородатый!

Хотел Иван Кузьмич дать наглецу по шее, но не поднялась рука. Вдохнул, бороду оглазил. Уел, паршивец! Бороду он после Германской отпустил, чтобы старше казаться. В отряде чуть не половина стариков, кое-кто еще Шипку от турка оборонял. Покомандуй такими! А теперь уже и казаться не надо. Хоть и не старик, а, считай, в летах. Двадцать восемь годков, не шутка.

Эх...

Как, бывало, к ней приедешь, к моей миленькой —
Приголубишь, поцелуешь, приласкаешься.
Как, бывало, с нею на сердце спокойненько —
Коротали вечера мы с ней, соколики!..

– Дядя, не надо, не огорчайся, – заспешил Кибалка, сообразив, что перестарался. – Не такой ты и старый, просто пожилой...

Объясняться с молокососом Иван Кузьмич не стал, а направился прямо через площадь к краснокирпичному двухэтажному дому, где размещалась библиотека, подаренная городу бородатым меценатом Юдиным. Библиотекарь решил ничего не объяснять, а попросить хороший атлас, чтобы Азия во всех подробностях была. Для начала следовало определиться, в какие

края комполка Волков откомандировать его желает. Название казалось знакомым, уже слышанным.

Пачанг...

4

Аэроплан появился над площадью в начале пятого пополудни. Его уже ждали. Не сплывала северная застава, вовремя пустив в небо черную дымную ракету. А еще через несколько минут послышался негромкий рокот мотора.

Авиалинией Красноярск – Беловодск в Сайхоте гордились, и не без оснований. Пусть летали редко, пусть машины старые, пусть каждая лишь одного пассажира берет. Зато в мире не одни! И уже не так страшно, что вокруг на сотни верст тайга и горы, а игольное ушко Усинского перевала каждую зиму запирает страну на недели. Аэропланы возили почту и лекарства, а самые смелые из горожан решались даже купить билет, чтобы посетить СССР, благо вся Русская община еще год назад получила советское гражданство.

Последний плановый рейс был всего три дня назад. Прилет новой машины, слухи о котором, несмотря на всю секретность, уже разнеслись по округе, вызвал немалое оживление. Шифротелеграмму никто посторонний не читал, но, когда полсотни всадников на невысоких мохнатых лошадках начали объезжать площадь, советуя прохожим поскорее ее покинуть, все всё поняли. На одной стороне громадного пустыря собрался чуть ли не весь Беловодск, от мальчишек до членов правительства. На другой стороне, ближе к стенам дацана, ждали сайхоты. Издали можно было хорошо разглядеть желтые монашеские плащи.

Ближе пока не подходили. Сядет аэроплан, мотор заглушит, тогда уж...

Первым машину заметил гражданин Рингель, видать, очки вовремя протер. Всмотрелся, головой покрутил.

– Однако, господа! Что-то новенькое.

Бывший статский советник не ошибся. Вскоре и все остальные поняли, что таких аэропланов в небе Сайхота еще не было: большой, ширококрылый, сверкающий ярким светлым металлом. Закрытая кабина, темные окошки, красная надпись на борту...

Аэроплан сделал над площадью круг, словно желая покрасоваться. Самые зоркие сумели прочитать надпись на борту. Семь букв киноварью: «ДОБРОЛЁТ», а рядом – «№ 4».

– Немецкий, – пояснил товарищ Волков, прикрываясь от солнца ладонью. – «Юнкерс», модель «F-13», двигатель фирмы «Мерседес». В Столице сейчас таких уже с десяток. Четыре пассажира, и все, между прочим, Иван Кузьмич, к тебе в гости.

Кречетов молча кивнул, принимая услышанное к сведению. Один из тех, кто в небе, – курьер из Столицы с долгожданнами документами, если, конечно, комполка не пошутил. А остальные кто? Самое время обидеться на товарища по партии. Если рейс такой секретный, стоило ли сажать машину прямо посреди города? Конечно, иной посадочной площадки в Сайхоте пока нет, но в любом случае через несколько минут все секреты станут видны, как на ладони. Оцепление из надежных местных ребят, конечно, выставлено, зевак близко не подпустят, но глаза-то у людей есть, в том числе и у тех, кто аэроплан охранять назначен. Тем более к нему, к Ивану Кречетову, гости спешат, не к кому другому. Неужели нельзя заранее предупредить?

– Не говорю, потому что сглазить боюсь, – понял его комполка. – Машина немецкая, новая, но пусть уж сначала сядут.

На этот раз его улыбка не походила на волчью. Иван Кузьмич, решив не обижаться, усмехнулся в ответ.

Вокруг уже шумели, громко обмениваясь впечатлениями, мальчишки, не слушая окриков, забегали за оцепление, стараясь получше рассмотреть приближающийся аэроплан.

– Летит! Ближе уже! Летит!.. На посадку пошел!..

Наконец черные каучуковые колеса коснулись истоптанной сухой земли. Аэроплан пробежал по полю, постепенно замедляя ход, а затем ловко подрулил к встречающим. Остановился, заглушил рычащий мотор. Из открытого окна кабины выглянул пилот, махнул рукой.

Конники уже окружали машину, не подпуская зевак. Оружия не доставали, но грозно щелкали в воздухе кожаными нагайками-камчами.

– Пойдем, пожалуй, – рассудил Кречетов. – А то неудобно получится, если не встретим. Гости все-таки.

Комполка молча кивнул – кажется, все еще боялся взглянуть.

Между тем открылась врезанная в борт металлическая дверь. Первым из машины выбрался летчик, которому и достался целый шквал приветствий. Пилот, вновь помахав рукой, белозубо улыбнулся и заглянул внутрь. Иван Кузьмич прикинул, что следующим должен выйти курьер. При старом режиме фельдъегерям всюду была зеленая улица.

Ошибся.

Из чрева машины на землю соскочил крепкий мужчина неопределенного возраста в командирской форме РККА, но без знаков различия. Вздрыбленные иссиня-черные волосы оттеняли загорелое лицо с резкими морщинами на лбу и щеках, издавна походившими на шрамы. Желтая кобура на ремне, в руке – небольшой фанерный чемоданчик.

Товарищ Кречетов, не без удивления поглядев на нежданного гостя, повернулся к невозмутимому Волкову, дабы разъяснить личность, но не успел.

– Граждане трудового Сайхота! Товарищи!.. Слава Российской коммунистической партии – партии большевиков!..

Громкий, пронзительный крик спугнул слетевшихся птиц. Громко заржала лошадь. Люди, напротив, онемели.

– Привет вам, товарищи, из Красной Столицы! Привет от великой державы – Союза Советских Социалистических Республик! Ура, товарищи!..

На этот раз не оплошали. Ответное «ура» разнеслось до самых краев громадной площади. Черноволосый энергично кивнул, поставил чемоданчик на землю, шагнул вперед:

– Вы, товарищи, передовой отряд Мировой революции! Ее волны уже захлестывают Азию, будят от векового тяжкого сна эксплуатации!..

– Господа, какая прелесть! – восторженно воскликнул кто-то. – К нам большевики клоуна прислали!

Гость отреагировал молниеносно. Острый длинный палец взметнулся, словно шпага:

– Ты!.. Ты, вражий голос! Я – клоун, над которым смеются только один раз. В нашем Союзе такие, как ты, уже отсмеялись до смертной икоты. Последние хихикают в Соловецком лагере особого назначения. Скоро и ты, недобиток, будешь вечно скалиться, как шут Йорик у прогрессивного английского поэта Шекспира. Ну, похочочи, поупражняй челюсти!

В ответ и вправду хихикнули, но как-то неуверенно. Черноволосый немного подождал, резко вскинул голову:

– Вот она, классовая борьба, товарищи, в ее чистом, незамутненном виде! Не нам, большевикам, ее страшиться. Ибо коммунист – это тот, кто сдаст оружие в арсенал только после полной победы великого учения Маркса!..

Услышав «ибо», Иван Кузьмич невольно сглотнул. В Сайхоте имелись собственные комиссары, куда без них, но подобное ни от кого из здешних не услышишь. Гость между тем, быстро осмотревшись, указал на крыльцо купеческого дома:

– Пройдемте туда, товарищи! Здесь нет трибуны, но она не нужна. Я не собираюсь возноситься над вами, я не вождь и не учитель. Я – голос победоносного российского пролетариата и расскажу вам о Столице, о том, чем живет сейчас великая советская страна. В Сайхоте нет радио. Не беда! Теперь я – ваше радио. На митинг, на митинг!..

Толпа расступилась. «Голос», решительно махнув рукой, направился напрямик к крыльцу. Люди охотно потянулись следом. О том, что творилось за Усинским перевалом, в Сайхоте знали не слишком много. Казенный телеграф скуп на новости.

– Сообразил, не растерялся! – Волков дернул губы усмешкой. – Лишние люди нам здесь не нужны, правда, товарищ Кречетов?

Толпа возле аэроплана и вправду стала значительно меньше. Тех, кто остался, без особого труда отгеснили в сторону спешившиеся конники. В проеме двери показался еще один пассажир.

– А вот теперь пойдем, Иван Кузьмич, – краснолицый кивнул в сторону аэроплана. – Встретим!..

Светлая гимнастерка, красные петлицы, черная сумка на боку. Скупая улыбка, внимательный взгляд.

– Я – курьер Центрального Комитета. Могу взглянуть на ваши удостоверения, товарищи? Когда с формальностями было покончено, гость облегченно вздохнул.

– Был бы верующим, сказал «слава богу». Давно такую почту возить не приходилось!

Кречетов поглядел на сумку, но курьер невесело хмыкнул:

– Здесь только бумаги, товарищи, главное – внутри, в салоне. Товарищ Кречетов, надо бы сюда конвой, а то у меня всего один боец. Почта не простая, кусаться лезет.

Иван Кузьмич с опаской покосился на металлический бок «Юнкерса». Рядом негромко рассмеялся комполка Волков.

5

Пакет, еще пакет, тяжелый кожаный тубус с печатями на шнурках. Три полотняных мешочка – тоже с печатями.

Товарищ Кречетов осторожно коснулся тубуса, затем осмелел, взял в руки.

– Будто из чугуна!..

Комполка согласно кивнул:

– Внутри не заглядывал, но там, очевидно, металлический футляр. В мешках – золото, царскими червонцами. С остальным сам разберешься. Но не слишком тяни с отъездом, а то и опередить могут.

Иван Кузьмич в ответ лишь головой покачал. На большее его не хватило, слишком много всего сразу навалилось. В одном из конвертов – нота НКВД, долгожданный документ о признании и установлении дипломатических отношений. Открывать его Кречетов не стал. Успеется, тут бы прочее разъяснить.

Он поглядел на Волкова. Комполка присел на стул, отодвинул в сторону ближайший пакет, оперся о столешницу локтями.

– Если что-то непонятно, спрашивай.

– Спрошу!

Иван Кузьмич присел рядом, положил ладонь на кожаный бок тубуса.

– Расскажу как понимаю, а ты поправь. СССР не хочет с Китаем ссориться. Если вы сами посольство в Пачанг пошлете, будет вмешательство и нарушение их этого...

– Суверенитета, – негромко подсказал краснолицый.

– ...Наш Сайхот для китайцев – обычная губерния. И этот Пачанг – тоже. Получается не вмешательство, а вроде как два губернатора дружбу заводят. Так?

Волков согласно кивнул:

– Юридически так. Едва ли подобная дружба обрадует китайское правительство, но придраться будет трудно. Пачанг откололся от Срединной Империи в 1912-м, когда началась Синхайская революция. Его пока никто не признал, так что вам будут рады. Договаривайся с ними о чем хочешь, устанавливай дипотношения, но главное – передай почту из Столицы. Если получится, вы будете представлять интересы СССР в Пачанге...

Комполка умолк, помолчал немного, затем ударил пальцами в столешницу.

– ...До той поры, пока в Китае не произойдут решительные и необратимые перемены.

Теперь его улыбка снова напоминала волчий оскал.

– Трудность в том, что в Пачанг сложно попасть. С запада нельзя – война, на юге тоже. Поэтому пойдете через Монголию, там стоят наши войска, вас сопровождают до границы. А дальше – сами.

– Ага! – подхватил Иван Кузьмич. – Я, между прочим, карты смотрел, наши и английские. И книжку мне в библиотеке показали, которую путешественник Козлов написал. Знаешь, что там насчет Пачанга сказано? Что города уже нет, его пески засыпали...

– Козлова не пустили в Пачанг, – резко перебил краснолицый. – Китайцы его просто обманули, но другие город видели. Карта у тебя будет, но главное, мы привезли человека, который сможет указать дорогу.

– Этот, который «радио»? – поразился Кречетов.

– Другой – тот, что кусаться лезет. «Радио» – твой сопровождающий из ЦК. Я был уже в Красноярске, когда прислали шифровку из Столицы. А потом и сам он явился. Не хотел его брать, но бумаги у этого деятеля такие, что лучше не спорить.

– Комиссара, стало быть, назначали, – констатировал Иван Кузьмич, отчего-то загрустив.

Волков взглянул сочувственно:

– А куда деваться? Личность, кстати, известная. На войне не встречались, но слышать приходилось. На деникинских фронтах геройствовал, а потом в Столице, в наркомате Рабоче-крестьянской инспекции ценные указания давал. Может, и ты о нем знаешь. Мехлис...

– ...Мехлис Лев Захарович, член Центрального Комитета РКП(б) и его специальный представитель! – эхом отозвались с порога. Голос победоносного российского пролетариата стоял в дверях. Волосом черен, ликом суров, взглядом ярок.

Иван Кузьмич честно попытался представиться. Не тут-то было.

– Вы большевик, товарищ Кречетов?

Острый длинный палец, словно японский штык, устремился к его груди. Иван Кузьмич едва не подался назад. На миг почудилось, что он в колчаковской, а то и хуже, китайской контрразведке. Самому бывать не приходилось, но слухом земля полнится.

Устоял, плечи расправил.

– С 1917-го, товарищ Мехлис. А что?

– Что?! – специальный представитель даже подпрыгнул. – Почему не обеспечили наше прибытие? Почему в городе постороннее население? Кем и с какой целью дано указание на провокационное сборище возле аэроплана? А если бы сюда пробрались японские шпионы и белогвардейские террористы? Куда вы смотрели, большевик Кречетов? Где усугубленная, уже-сточенная бдительность? Ибо коммунист... – Палец-штык взлетел к потолку: – Обязан верить только в учение Маркса. Все прочее берется под подозрение и разъясняется!..

Иван Кузьмич беззвучно двинул губами, с трудом сдерживаясь, чтобы не ответить на все вопросы сразу, коротко и честно. По какому адресу должно направлять за разъяснениями таких горлопанов, он понял еще будучи беспартийным.

Однако как направишь? Все-таки гость, да еще из Столицы.

– План нумер пятнадцать, – мрачно изрек он.

Мехлис осекся. Краем глаза Иван Кузьмич заметил, как беззвучно, не разжимая тонких губ, смеется комполка Волков.

– Согласно этому плану, товарищ Мехлис, на площади присутствовала не публика, а красноармейцы и партийный актив, должным образом переодетые. А про клоуна я сам придумал, чтоб достовернее вышло. Вдруг с вами бы, скажем, товарищ из Коминтерна прилетел? Был бы ему, значит, полный реализм с классовой борьбой. И радио у нас, между прочим, имеется, еще со старых времен, именем революции национализированное...

Он поглядел на бородатый портрет, словно ожидая подтверждения. Меценат Юдин, насупив густые брови, солидно кивнул.

Искровая станция молчала уже второй год, но в наличии и вправду имелась.

– Еще вопросы, товарищ Мехлис?

Столичный гость слегка притих, но все же не потерял прыти. Палец метнулся в сторону купеческого лика.

– Это у вас такой Карл Маркс? А Энгельс где?

У портрета начала отвисать челюсть, палец между тем ткнулся в стол:

– Здесь золото и секретнейшие документы, а возле комнаты нет караула! А вдруг сюда зайдет белогвардеец? И не говорите, что этого не может быть. Ибо коммунист...

– Белогвардеец сейчас зайдет, – невозмутимо согласился Волков. – Умоется только. Кто ж его знал, что гражданин болтанки не переносит?

– Безобразие! Требую меня не переби...

Товарищ Мехлис так и не смог выразить свое возмущение. Краснолицый легко дернул ладонью, и голосистый член ЦК, находившийся от него в нескольких шагах, каким-то образом влип в ближайшую стену. Постояв немного, отлип и начал медленно сползать на пол. Иван Кузьмич воспринял случившееся без особого удивления, занимало его другое. Пассажиры в

«Юнкерсе» было четверо. Один сейчас на полу, курьер отправлен отдыхать, остались парень в форме и при карабине, а также тот, который...

– Разрешите?

Парень с карабином оказался легок на помине.

– Вводите! – хмыкнул Волков. – Готовься, Иван Кузьмич. Говорят, кусается.

Кречетов ощутил внезапную робость, но виду не подал. На всякий случай приняв суровый вид, оправил гимнастерку, бороду огладил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.